

Наталья Андреева

ДЕТЕКТИВ & ЗАГАДКА

Куда уходят грешницы,
или Гробница Наполеона

Наталья Андреева

**Куда уходят грешницы,
или Гробница Наполеона**

«Автор»

2012

Андреева Н. В.

Куда уходят грешницы, или Гробница Наполеона /
Н. В. Андреева — «Автор», 2012

ISBN 978-5-699-61175-1

Даниил Грушин – человек с большими странностями. Он любит смотреть черно-белые фильмы, переодевает своих любовниц в костюмы голливудских див прошлого века, а вечерами раскладывает пасьянсы. Любимый – «Гробница Наполеона». Но роскошная жизнь требует больших расходов. А тут еще и жена что-то заподозрила... За раскладыванием любимого пасьянса в голову Грушина и приходит гениальная мысль – собрать в доме всех своих врагов и попытаться их меж собой перессорить. А в старинный буфет положить пистолет, кинжал, веревочную петлю и ампулу с ядом. И в нужный момент просто выключить во всем доме свет. Только Даниил забыл, что на каждого Наполеона есть свое Ватерлоо. И нельзя недооценивать противника, если хочешь всегда одерживать победы... Ранее роман выходил под названием «Гробница Наполеона».

ISBN 978-5-699-61175-1

© Андреева Н. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Действующие лица: по мастям	5
«Наполеон», он же туз пик	5
Бубны	11
Крести	16
Червы	18
Пики	21
Туз пик	24
Вечеринка в стиле ретро	31
Колода карт	31
Первый расклад	42
Туз крестей	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталья Андреева

Куда уходят грешницы, или Гробница Наполеона

*«Гробница Наполеона» – старинный пасьянс, известный в России
с начала XIX века...»*
Энциклопедия карточных игр

Действующие лица: по мастям

«Наполеон», он же туз пик

пятница, вечер

У него в руке осталась тоненькая стопочка игральных карт. Специальные карты для пасьянса, в два раза меньше обычных, две колоды по пятьдесят два листа. Итого сто четыре. Осталось разложить их в одну колонку, и все они должны уйти на четыре базовые карты. Сначала было пять колонок, потом четыре, три, две... И вот одна, последняя. Считается, пасьянс сошелся, если все карты собраны на базовые в четыре стопки, по мастям. При этом каждая из четырех стопок будет содержать по двадцать шесть карт.

Сердце забилось сильнее. Как всегда в такие моменты, он разволновался. «Гробница Наполеона» – любимый пасьянс. Раскладывать его Даниил пристрастился давно: нервы успокаивает, и время летит незаметно. А в новом доме, шикарном загородном особняке, куда семья переехала три года назад, хозяин обставил процесс со вкусом. Столик для пасьянсов раздобыл в антикварном магазине. Начало девятнадцатого века! Инкрустирован полудрагоценными камнями, на столешнице – затейливые вензеля. Два столетия назад какая-нибудь престарелая графиня в напудренном парике целыми днями раскладывала на нем карты, убивая время и приговаривая: «Десятка налево, двойка направо...» Тогда еще не было электричества, горели восковые свечи, напыщенный лакей подходил неслышно и торжественно снимал щипцами нагар, из загадочного полумрака выступали контуры клавесина, не было CD-проигрывателей, плееров, флэшек, не существовало компьютеров, и треклятого телевидения не существовало тоже...

Боже, как же было хорошо!!! Полумрак, тишина, прерываемая легкими щелчками, с которыми глянцевые карты ложатся на отполированную поверхность столика, и никаких тебе забот! Нынче мало кто понимает толк в пасьянсах, все считают их занятием скучным и бесполезным. Глупцы!

Сегодня утром Даниил увидел в «Новостях» любимого в кавычках тестя и, как всегда, пришел в бешенство. Непотопляем! Из-за него все, из-за его ненаглядной, страстно обожаемой им старшей дочери, которой он ни в чем не смеет отказать! Нельзя портить отношения с папой. Нельзя... Иначе не будет ни денег, ни уютного дома, ни антикварного столика, ни пасьянсов. Ни-че-го. Что же делать? Ситуация-то пиковая! И вот она, дама пик, роковая злодейка!

Спокойно, Даня, спокойно. Ты всегда отличался умом и сообразительностью. Надо отвлечься. Придумать что-нибудь этакое. Двойка налево, десятка направо... Спокойно. Представь, что ты в позапрошлом веке. Нет электричества, нет мобильных телефонов, будь они неладны, и телевидения нет тоже. А значит, ничто и никто не напомнит о папе. А тот не сегодня-завтра должен позвонить...

Итак. Сойдется или не сойдется? Как всегда в такие моменты, Даниил загадал желание. Если сойдется – все будет хорошо. Если же нет... Значит, нельзя верить картам! Пасьянс «Гробница Наполеона» сходил далеко не всегда. Порой на середине расклада Даниил уже понимал: безнадежно. Без шансов. Но сегодня – день особый. Сегодня он узнал еще одну маленькую тайну. Чужую тайну, но, если использовать ее в своих интересах, все в итоге получится. И Даниил добавил ее в свою коллекцию маленьких человеческих тайн. Бубновый туз лег на свое место последним в стопке. Бубны – веселая масть. Радостная. Итак, разыгрываем бубны. Здесь все понятно. Завтра он пойдет к следователю и сделает заявление. И будет разыгрывать следователя. Люди не карты. Но...

Король червей – направо. Лег на даму червей. Ха-ха! Занимательно получается! Король покрывает даму. Черви – масть любовная. Здесь тоже все понятно. Любовь он разыграет как по нотам. Господи! Когда ж это было? И было ли? Дама в длинном платье сидела за роялем, горели восковые свечи... Да дались ему эти свечи! Туз червей тоже лег на свое место. С любовью покончено.

Остались крести и пики. Сначала крести. Масть семейная. Король крестей – вне всякого сомнения, папаша. «Любимый» тестюшка. Дама под ним – мамаша. Ненаглядная теща. Туз крестей, который лег поверх короля – дом родной. Жена уезжает на выходные к родителям в их загородный особняк. Нынче стало модно жить в пригороде, лето кончилось, но назад, в Москву, теща с тестем не торопятся. В столице смог, выхлопные газы, безумные пробки на дорогах, толчея, суета. Даже если наблюдать этот людской муравейник из окна своего офиса или из лимузина, все равно раздражает. Даниил знает это по себе. И прекрасно понимает родителей жены. У них в Москве шикарная квартира, где месяцами никто не живет. Гм-м-м... Квартира...

Значит, в выходные жена будет далеко. Как это кстати! За семнадцать лет удачного во всех отношениях брака они друг от друга устали. Так, чуть-чуть. Ну совсем капельку! Спят в разных комнатах – это пустячок. Последний раз занимались любовью года два назад – мелочь. Давно уже не откровенничают, ограничиваются общими фразами в общении – ерунда. Все супружеские пары с солидным стажем так живут. Разводиться нет повода, а всему вышеперечисленному есть объяснение: они слишком хорошо друг друга знают, зачем общаться? Все понятно с полувзгляда, с полунамека. Жена его любит. А что касается секса... Этого ей не надо. Ну не надо, и все тут! А что нужно ему, никого не волнует. Итак, с крестями тоже покончено. Неужели же сойдется?

Остались только пики. Погодная масть. Плохая. Все ее боятся, но только не он. Потому что он сам – олицетворение зла. Сидит сейчас и строит козни. И под картами подразумевает людей. Валет – налево, король – направо. Но люди не карты. Манипулировать ими сложно. Сложно, но можно. В центре лежит туз пик. Наполеон. На нем последовательно двойка, тройка, четверка... И в руке остались три карты. Валет, дама, король. Неужели сойдется? Тогда загаданное желание исполнится. И все будет хорошо. Просто замечательно. И все будет...

– Дорого-ой!

О черт! Пальцы, держащие даму пик, чуть дрогнули. Жена. Принесла нелегкая!

– Даня, ты занят?

– Да! – Она никогда не стучит. Одна из ее отвратительных привычек.

– Боже, что случилось? Почему ты так кричишь?

– Кричу? Прости. Увлёкся. Пасьянс сошелся. Мой любимый, «Гробница Наполеона».

Видишь, осталось переложить несколько карт. И – все. Удача!

– Да, я вижу. Нам надо поговорить.

– Оля, тебе непременно надо сделать это в моем кабинете?

– А почему я не имею права сюда входить?

«...здесь ведь все мое», – мысленно закончил он фразу. Да, это правда. Дом оформлен на нее, машина тоже. Вторая – на фирму. Фирма принадлежит ее отцу. Та, где Даниил Грушин, Ольгин муж, считается полноправным хозяином. А на деле – такой же наемный работник. Разве что зять самого. Но зять – должность выборная. Тесть выбор старшей дочери уважает, но не одобряет. Не надо об этом забывать. Дама легла на валета, на нее – король. Он потянулся к тузу.

– Погоди пять секунд. Я сейчас...

– Как только закончишь *дело*, – жена выделила последнее слово с откровенной иронией, – спустишься в гостиную, будь так любезен. Дорогой.

Дверь кабинета громко хлопнула. И переложив туза пик, последнюю карту, Даниил Грушин невольно поморщился. Удовольствие испорчено! Вместо ожидаемой радости на душе неприятный осадок. Ты не забывай, дорогой, кому всем обязан. Кто тебя, беспородного оборванца, подобрал, одел, обул, накормил и жизнь твою сытую устроил. А ты не отработываешь. Обленился, мышей не ловишь. Но всю жизнь равняться на ее папу – шею можно свернуть.

Да, милый, тебя купили! Со всеми потрохами. Давай теперь, выкручивайся! Он со злостью смешал карты. Тузы, дамы, валеты... Груда разноцветных картинок, полная бессмыслица. А ему так хочется гармонии. Гармонии во всем. Неужели так трудно оставить его в покое?!

Жена ждет в гостиной. Смотрит телевизор. Безобразный современный фильм. Цветной. С погонями, драками, пистолетными выстрелами и компьютерными «наворотами». Как *они* говорят. Какая мерзость! Вот раньше! Были же фильмы! Были настоящие женщины! Одри Хепберн, Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Вивьен Ли... Его идеал. Всего десять фильмов, но какие роли! О каждой написаны тома! А сейчас? Огромный список ролей, а похвастаться нечем! И сказать нечего! Черно-белыми фотографиями обвешаны стены его спальни. Женщины, только женщины, и только в черно-белом варианте. Какие лица! Какие глаза! Жена не ревнует. Они же мертвы! Мертвы? Что бы она понимала!

Он не торопясь идет в гостиную. Велено так велено. Жена уверена, что он никуда не денется, как марионетка, которую дергают за ниточки, так и будет послушно исполнять ее волю.

Увидела его и потянулась к пульта. Телевизор не выключила, только убрала звук, а на экране по-прежнему мелькают перекошенные ненавистью лица. Так и есть: боевик! Еще одна отвратительная Ольгина привычка. Привычка, которая его раздражает. Неужели нельзя выключить телевизор? Так нет! Она просто убрала звук! Такое ощущение, что в гостиной они не одни. Не станет же он откровенничать перед целой толпой! Перед людьми, которые ему незнакомы!

– В чем дело? – спросил Даниил, изо всех сил стараясь сдержаться. И сел рядом с женой на диван.

– Какие у тебя планы на выходные?

– Ты же знаешь. Останусь дома, послушаю музыку, прочитаю хорошую книгу, посмотрю старый фильм, разложу несколько пасьянсов, а в субботу вечером созову гостей.

– Гости? – Она слегка напряглась.

– Соседей. И Артем обещал приехать.

– Один?

– Аня вместе с детьми улетела на Кипр. Ты же в курсе. Кстати, и нам неплохо было бы...

– Оставь.

Ого! Да она раздражена до предела!

– Дорогая, что случилось?

– Это я у тебя должна спросить.

– У меня?

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Холодный пот струится по его спине. Неужели она узнала?! Нет, черт возьми! Нет! Не была б она уже его женой, если бы знала! Это догадки, и только-то. Догадки, которые должны таковыми и остаться.

– У меня нет от тебя никаких тайн.

– Разве?

– Оля, если ты меня в чем-то подозреваешь, скажи прямо.

– Нет, ничего. Я просто не понимаю, почему ты не хочешь ехать со мной.

– Ты понимаешь. Нам друг по другу надо немножечко соскучиться. Самую капельку. Ты приедешь вечером в воскресенье, и все будет хорошо. Ну?

Он потянулся, чтобы ее поцеловать. Жена отстранилась.

– Оля, в чем дело?

– Не знаю. Последнее время мне на мобильный телефон идут какие-то странные смс-сообщения. Непонятные намеки, загадочные фразы.

– Сообщения? – Он сделал удивленное лицо. А сердце забилось с бешеной скоростью. Кто посмел? И что сие означает?

– Даня, я очень тебя люблю. Так люблю, что... Словом, мне тревожно. А ты?

– Что я? – Нельзя себя выдавать. – Я спокоен.

– Ты меня любишь?

– Ну разумеется! Разве я когда-нибудь давал повод для ревности? Ты же знаешь моих любовниц, – усмехнулся он. – Всех поименно. Их фотографии висят в моей спальне.

– По-моему, папа хотел с тобой поговорить. Дела на твоей фирме идут не очень. В то время, как Артем...

– Ему везет немножко больше, чем мне. – Даниил постарался улыбнуться.

– Тут дело не в везении. По-моему, ты безразличен ко всему. К нам с Максимом, к делам фирмы, к поездкам на курорт. Ко всему, кроме пасьянсов и своих черно-белых красавиц. Мертвых. Тебе не кажется это странным?

– Хочешь сказать, что я помешался?

– Нет. Ты ушел в себя. От кого ты бежишь? От кого прячешься? Если от меня, то я тебя никогда не держала.

Еще бы! Ты не держала! А твои деньги? А папаша? Я всю жизнь только и занимался тем, что старался вам угодить!

– Ты прекрасно знаешь, Оля, что я женился на тебе по любви. Вспомни, как это было. Вы с подругой приехали к нам в институтское общежитие, на дискотеку, я увидел тебя и подошел. Не зная, кто твои родители и что ты москвичка. Я женился не из-за денег и не из-за прописки. Мы семнадцать лет прожили в любви и согласии...

– Как ты это говоришь! Каким тоном! Будто смеешься надо мной!

– Перестань. Это ты не в себе. Раздражена. Я тебя понимаю, дорогая, – сказал он как можно мягче. – На дворе осень, грязь, слякоть. Неприятное время года. Поезжай к родителям. Развеешься. Жаль, что сестра улетела на Кипр, вам было бы веселее. Кстати, почему ты с ней не поехала? Максим уже взрослый, сам о себе может позаботиться.

Молчит. А взгляд странный. Что-то не то.

– Оля?

– Почему ты не в офисе? Сегодня пятница, будний день.

– Я немного приболел.

– Разве? А, по-моему, ты здоров.

– Сердце колет.

– Сердце? В сорок с небольшим лет? При твоих железных нервах? При том что ты бегаешь по утрам, чуть ли не каждый день занимаешься на тренажерах и регулярно посещаешь бассейн? Твой кроль до сих пор выше всяких похвал! Максиму за тобой не угнаться!

– Максим ленится.

– А ты... Ты слишком увлечен самоусовершенствованием.

– Что ты об этом знаешь! То есть не о бассейне, а о моих нервах, – начинает раздражаться и он.

– Ну так расскажи! Я жду.

– Мне не о чем рассказывать. Моя жизнь как на ладони. Я прозрачен, как... Как горный хрусталь.

– Ну как знаешь, – еле слышно вздохнула жена и поднялась с дивана. Спина прямая, осанка просто королевская! Манеры у нее безупречные, воспитание родители дали превосходное. Учителя английского и французского на дом ходили. Но вот лицо...

Да, она некрасива. Не помогают ни дорогая косметика, ни модный стилист, все равно пластическому хирургу работы хоть отбавляй! Впрочем, жена не собирается ложиться под нож из-за такой мелочи, как нос уточкой и оттопыренное правое ухо. Ухо можно закрыть волосами. А рот, такой тонкий, что его почти незаметно? А пороссячи глазки?

Она удивительно похожа на отца, за что так им и любима. «Главное не красота, – философствует тестюшка, – а толщина бумажника». И набивает Ольгин кошелек купюрами без счета.

Можно сказать, что она хороший человек. Хорошая жена и хорошая мать. Но это не компенсирует недостатки ее внешности. Просто потому, что вся Ольгина внешность – сплошной недостаток!

– Мы с Максимом вернемся в воскресенье вечером. Его заберет из лица шофер и отвезет в особняк деда.

– Шестнадцать лет парню, мог бы и сам доехать, – буркнул он.

– На автобусе? О чем ты?

Понятия «общественный транспорт» и «луноход» для нее равнозначны. Это с какой-то другой планеты. К ее же миру никакого отношения все эти странные понятия не имеют.

– Да, конечно, дорогая. Ты абсолютно права, – отвечает он машинально. – Тебя проводить?

– Будь так любезен.

Потом он стоит на крыльце и смотрит, как машина жены выезжает за ворота. Французский язык в совершенстве, французская косметика, французская машина. Бог мой, откуда же утиный нос и пороссячи глазки? И руки? Большие, как и ноги. Крестьянские. Нарощенные ногти смотрятся на ее толстых коротких пальцах нелепо. Хотя гель подобран со вкусом, в тон губной помаде, которой она пользуется. Она старается. Очень старается. Но... Не лучше ли обратиться к пластическому хирургу?

Вот он, уроженец маленького провинциального городка, мать которого работала гардеробщицей в Доме культуры и мыла по утрам заплыванные лестничные клетки, чтобы свести концы с концами, высок, строен, как тополь, и удивительно хорош собой. Знает это и очень себя любит. Ведь иначе Ольга никогда бы не вышла за него замуж. Хорошая форма черепа, можно сказать, аристократическая, нос прямой, брови вразлет, глаза, как два омуты, а рот – точь-в-точь лук с натянутой тетивой. Мужественный и волнующий воображение. Женское, разумеется. Ах, как он себя любит!

Все. Уехала. Свободен! Огромный дом целиком и полностью в его распоряжении. Домработница придет завтра утром, получит соответствующие указания и к вечеру уберется восwoяси. И тогда он устроит маленькое шоу для своих дорогих гостей. Вечер неприятных сюрпри-

зов. Вот уже год, как он коллекционирует маленькие человеческие тайны. Пора предъявить колоде карт, всем этим дамам и валетам, свою коллекцию. Пора...

Бубны

пятница, вечер

В соседнем коттедже в это время разгорался скандал. Впрочем, к этому давно привыкли и сами домочадцы, и те, кто жил поблизости. Обитатели поселка уже не обращали внимания на отчаянные крики, доносящиеся из окон двухэтажного коттеджа, и на звон разбитой посуды. Послушать, так это пункт приема стеклотары громят, а выносят на помойку от силы две-три разбитые тарелки да пару чашек! И как им это удается?

Скандал был неизменным блюдом в еженедельном меню. Если его не подавали на горячее в понедельник, следовало дожидаться вторника. Если и во вторник обошлось, и в среду тихо, а в четверг подозрительно спокойно, то уж к пятнице обязательно разразится буря. Надобно проглотить и не морщиться. И все понимают: хозяйка – человек творческий. И ей необходима разрядка. Кто-то напивается до полусмерти, кто-то пускается во все тяжкие, коллекционируя чужие постели, а она просто кричит. Должно быть, очищая легкие, сбрасывает накопившееся напряжение. Творчество – это состояние стресса. Время от времени надо из него выходить и вымещать злость на окружающих.

Главную в поселке скандалистку величают Прасковьей Федоровной Потаповой. По паспорту. Но любовные романы выходили в свет под романтическим псевдонимом «Злата Ветер». Творческая дама обитала в коттедже из белого кирпича (весьма скромном по местным меркам), где жила вместе с мужем и лучшей подругой Кирой. Поводов для скандалов у писательницы было предостаточно. Мужу Прасковьи Федоровны, которой нынешним летом с помпой справляли сорокапятилетний юбилей, было всего лишь двадцать восемь. То есть он годился модной писательнице в сыновья, но поскольку детей у нее нет, то...

То поводов для ревности хватает. История их любви кому-то может показаться романтической, но в желтой прессе подавалась как скандал года. Однажды писательница в компании двух закадычных подружек, особ, близких к литературным кругам, заглянула в ночной клуб, где демонстрировали мужской стриптиз, чтобы со знанием дела отобразить в очередном любовном романе, так сказать, быт и нравы. Дамы выпили по коктейлю, потом еще по одному и как следует разогрелись. К тому моменту, когда на сцене появились полуголые молодые мужчины, бронзовые тела которых блестели, как медовые леденцы, писательница уже была в ударе. Она схватила один из леденцов, лизнула, и тот пришелся ей по вкусу. Домой Злата Ветер и молодой человек, выступавший под псевдонимом «Фараон», поехали вместе. А утром проснулись в одной постели. В вечерних газетах появились пикантные фотографии. Разразившийся скандал привел к тому, что любовные романы Златы Ветер стали расходиться на «ура». И писательница, отродясь ни в чем подобном не замеченная, быстренько сообразила, что скандал – лучшая реклама.

Чтобы подогреть интерес к своей персоне, Прасковья Федоровна стала везде появляться с красавцем-стриптизером, который был на семнадцать лет ее моложе. А когда прессе это поднадоело, взяла да и объявила о своей помолвке. Новый скандал и новые тиражи. Свадебная церемония собрала толпы журналистов.

По странному совпадению в паспорте у Фараона было записано: «Сидор Иванович Коровин». Это выяснилось, когда Прасковья Федоровна, модная писательница, и Сидор Иванович, олицетворение московского гламура, пришли в загс подавать заявление. Потапова и Коровин! Регистраторша невольно улыбнулась. Мода на старинные русские имена сыграла с Фараоном злую шутку. Он смирился бы с Родионом, Захаром и даже с Матвеем. Но Сидор! Это уже слишком! Имя свое красавец-стриптизер просто терпеть не мог! Спасибо тебе, мама! Низкий поклон папа, Иван Захарович!

Для многочисленных приятелей и приятельниц он давно уже стал Сидом. Злате Ветер это понравилось чрезвычайно. Она тоже стала звать мужа Сидом. И никак иначе. Ее Сид был просто красавчик! Подарок судьбы! За долгие годы одиночества и вынужденного поста, когда в ее постели было холодно и тоскливо, Прасковье воздалось сполна. Теперь она не скучала. Отнюдь! Секс-машина работала исправно, без сбоев. Ах, если бы он был не так молод! Это же свинство! Она стареет на глазах, а он упругий, как бутон розы, и так же обворожительно хорош!

Сид давно уже понял, что быть альфонсом – его призвание. Жизнь молодого мужа делилась на две части: активную и пассивную. Активная проходила в спортзале, среди тренажеров, где Сид без усталости шлифовал свою впечатляющую мускулатуру. Он был невысок ростом, но хорошо сложен и физическими упражнениями довел свое тело до совершенства. Еще бы! Ведь им он зарабатывал на жизнь! Пассивная часть проходила на диване перед телевизором. Сид не читал книг, не смотрел фильмов, которые откровенно «грузят», понятия не имел, что такое классическая музыка и балет. Целыми днями он «листал» боевики и ток-шоу. Без усталости. Без перерыва. Фантастику тоже уважал. Но чтоб только не грузила. Не «Солярис» какой-нибудь. Когда Арнольд Шварценеггер с легкостью переворачивал телефонную будку или с каменным лицом в упор расстреливал из автомата полчища врагов, у Сиды просто сердце замирало. Терминатор – это супер! Кумир кумиров!

Но... Сегодня пятница. И вчера было подозрительно тихо. А к вечеру...

Жена вошла в комнату и с придыханием сказала:

– Сид...

– М-м-м...

– Ты меня слышишь?

– Угу...

– Отвлекись на минуту.

– М-м-м...

– Я кому сказала?! – повысила она голос.

– Угу...

– Мальчишка!

Прасковья Федоровна решительно схватилась за пульт. Сид понял, что сейчас источник его жизненной энергии угаснет, и повернул голову:

– Ну чего тебе?

– Ты мне изменяешь.

– Еще чего!

– Нет, ты врешь! Я уверена: ты мне изменяешь!

– Была охота, – буркнул Сид и покосился на экран. С минуты на минуту тот узкоглазый замочит лысого бугая. Вот же принесла нелегкая!

– Где ты был вчера?

– В городе, я же сказал.

– Я для чего купила тебе новую машину?

– Чтобы я на ней ездил. – Надо сосредоточиться и отвечать на заданные вопросы правильно и конкретно. Черт с ним, с лысым. Своя шкура дороже.

– Но ты едешь по девкам!

– Доказательства?

– Я их найду!

– Вот когда найдешь, тогда и...

– Кира! – отчаянно закричала жена. – Кира!

Унылое существо неопределенного возраста, одетое в темный балахон, появилось в дверях гостиной. Лучшая подруга безмолвно застыла на пороге. На ее лице была написана обреченность: надо жить, и в этот день тоже.

– Кира, ты обитаешь в этом доме. Со стороны виднее. Скажи: Сид мне изменяет?

– Я... не знаю. – И поймав выразительный взгляд молодого мужа, Кира тихо добавила: – Должно быть, нет.

– Вы сговорились! Я поняла: вы заодно!

– Паша, успокойся, – без всякой надежды попросила Кира.

– Вы живете на мои деньги, я вас кормлю, одеваю, и вы же надо мной издеваетесь! О, как я несчастна!

– Ну разумеется, – хором сказали Кира и Сид.

И быть бы настоящей грозой с битьем посуды и попыткой убежать из дома, чтобы подобно Анне Карениной броситься под поезд на маленькой железнодорожной станции, до которой было не меньше пяти километров лесом, и нестись бы модной писательнице по елкам, но вдруг зазвонил телефон. Прасковья Федоровна проворно схватила трубку. Она ждала вестей из издательства.

– Да!

– Паша? То есть Злата?

– Кто это? Але?

– Сосед.

– А! Данечка... – протянула писательница несколько разочарованно. – Как дела?

– Хотел до вас дойти, но подумал: а вдруг вы заняты? – Под «заняты» подразумевался скандал, свидетелем которого Даниил Грушин быть не хотел. И, упаси боже, участником!

– Нет, что ты! – поспешно сказала Прасковья Федоровна. – Заходи когда угодно!

– Я насчет планов на завтра. На вечер. Вы будете дома?

– Ну... – Принимать гостей ей не хотелось.хлопотно. Да и накладно. Писательница была скуповата. Для всех, кроме Сиды.

– Я хотел пригласить вас на вечеринку. Будет кое-что интересное.

– Да? Что именно?

– Сюрприз. Помнишь, ты мне кое-что рассказала? Насчет Сиды и...

– Это шутка, – поспешно сказала она. Надо же так распустить язык! Но Даня очень красив, а она немного выпила... Словом, хотелось его заинтриговать. Ну почему такой мужчина давно и прочно занят? Ольге она не соперница. И возраст, и ребенок, и деньги, которых у той (увы!) больше. Такие мужчины, как Даня, очень дорого обходятся. Мысленно Прасковья Федоровна сделала калькуляцию и вздохнула. Безнадежно! Придется довольствоваться Сидом. Класс у щенка не тот, конечно, что у Дани, да еще и изменяет! Но ничего. Она ему покажет!

– Приходите завтра. Ты, Кира и Сид. Часиков в семь. На улице осень, холодно, уныло. Растопим камин, домработница приготовит роскошный ужин... (Да! Они могут позволить себе прислугу!) Твое любимое вино, помнишь?

О! Этот божественный нектар! Французское вино! Но безумно дорого! У них есть, у миллионеров Грушиных... Прасковья Федоровна прикрыла глаза, словно ощутив во рту божественный вкус, и сказала:

– Хорошо. Мы придем. Так, по-соседски. И в самом деле. Чего в субботний вечер дома сидеть?

Еще она подумала об ужине. Сид любит вкусно поесть. А она не умеет готовить. Совсем. От Киры тоже немного толку. Неумеха! Поехать в ресторан? Абы куда нельзя, ее лицо слишком известно, чтобы появляться в дешевых забегаловках. Тамошняя публика бесцеремонна. Будут тыкать пальцем, как в зоопарке, непременно подбегут за автографом, а молодые девочки начнут напропалую кокетничать с Сидом. Его фотографии постоянно появляются в светской хронике! Глядя на юных поклонниц мужа, она вновь почувствует себя старухой. Как же он молод! Просто неприлично молод для нее! Нет, в места, доступные простым смертным, нельзя. А дорогие рестораны – это слишком больно бьет по карману! Деньги ей достаются

нелегким трудом, с неба не сыплются. Не на Парнасе родилась, и до того как пришла слава, горя и нищеты хлебнула с избытком.

– Так я вас жду, – со значением сказал сосед. – Уверю: не разочаруешься.

Положив трубку, она легонько вздохнула, представив его красивое лицо. Образ, неоднократно эксплуатируемый ею в любовных романах. Она презентовала их Дане с кокетливыми дарственными надписями, но он... Так привязан к Ольге! Вот в нем чувствуется порода! Эта красота не для стрипклуба, а для эстетов. Прасковья невольно покосилась на Сиду. Лоб гладкий, без единой морщинки, глаза пустые. Лицо без всяких признаков интеллекта. Книжку бы, что ли, почитал. Хотя бы для приличия. Как-никак с писательницей живет.

– Кто это? – спросила Кира. – Из издательства?

– Нет. Сосед звонил. Приглашает на ужин. Завтра в семь.

– Давай не пойдем, – поспешно сказала Кира.

– Да ты что? У них роскошная кухня! А вино какое? На халяву-то, – не удержалась она от вульгарного словечка.

– Мне не нравится этот человек. Очень. – И Кира поежилась, плотнее запахнувшись в темный балахон. – Он какой-то... мрачный.

– Глупости!

– Я не пойду. Он... Он маньяк!

– Сказала тоже! Ты видела когда-нибудь маньяков? Ничего общего с Даней! Он такой милый, такой... Ах, – и писательница тихонько вздохнула. – Пойдешь.

– Мне не хочется.

– Кира, что это с тобой? – Она пристально посмотрела на подругу. Та всегда выглядела не лучшим образом, а сегодня просто смерть ходячая! Тридцать два года, а смотрятся они почти как ровесницы. У Киры сухая кожа, глаза запавшие, под ними темные круги. И взгляд... Как у загнанной лошади! Точно!

– Ничего. Ну хорошо. Я пойду! – с отчаянием сказала Кира. – Только пеняй потом на себя!

– Сид?

– Угу...

Муж воспользовался моментом и снова уткнулся в экран. Битва там была в разгаре. Мелькали руки, ноги, перекошенные лица, раздавались дикие крики...

– Сид!

– Ну чего еще?

– Ты пойдешь завтра в гости?

– Куда?!

– К соседу.

– А... к соседу... Вообще-то я хотел в клуб.

– Я тебе уже сказала: ты там больше работать не будешь! Только через мой труп!

Слово «труп» повторялось писательницей так часто, что у домочадцев уже не вызывало эмоций. Никаких. «Через мой труп», «будете продолжать в том же духе, увидите мой труп», «бросьте мой труп в общую яму» и так далее. На «труп» Сид не отреагировал, но на слово «работать»... Работать он не любил. Клуб – это ж разве работа? Развлечение. И деньги переппадают от благодарных клиенток. У него свободный график, как у мужа звезды. И вот Прасковья собирается положить этому конец! Тогда должна компенсировать.

– А деньги? – И его лицо оживилось.

– Сколько тебе?

– Ну баксов пятьсот не мешало бы подкинуть. На телефон.

– Пятьсот! Зачем? Ты живешь на всем готовом!

– Если ты хочешь, чтобы я не работал, давай бабки.

– Хорошо. Получишь. Но завтра пойдешь со мной в гости. Я хочу, чтобы ты все время был у меня на глазах.

– А позвать дадут?

– Их домработница отлично готовит.

– Это хорошо...

И муж снова уткнулся в телевизор. Скандалить она передумала. Настроение резко изменилось. Французское вино, гм-м-м... И ничего не будет ей стоить. Она посмотрела на Сиду и подумала сладко: «Мальчишка! Ведь я намного тебя умнее! Обведу вокруг пальца, и не заметишь! Твою любовницу я уничтожу! А тебя посажу на цепь! Ты – моя собственность, пока я этого хочу!»

Кира паникерша. Даня – маньяк! Чушь, да и только! Мало ли что померещилось подруге!

Крести

пятница, вечер

Звонок на мобильный телефон застал Артема Дмитриевича Реутова в машине. Он ехал с работы, с удовольствием думая о том, что сегодня пятница, вечер, конец рабочей недели. О том, что жена с детьми улетела на Кипр, где сейчас не так жарко, как летом, и туристов гораздо меньше. А значит, цены ниже, в том числе и на путевки. Артем Дмитриевич был очень расчетливым человеком и крайне осторожным, потому и дела его шли так хорошо. Да, дела идут хорошо... очень хорошо...

Значит, он заслужил две недели покоя. Дети еще маленькие, сыну шесть с половиной, дочери четыре. Дома шум, суета, детские крики, повсюду разбросаны игрушки. Няня справляется с трудом, а жена ленива. Младшая дочь богатых родителей, которую всю жизнь баловали, холили и лелеяли. И как она решилась уехать за границу без него? С няней, разумеется, но и вдвоем им будет тяжело. Разве что надоела слякотная Москва и осень, которую Аня терпеть не может. Сентябрь в этом году крайне неудачен. А ему повезло! Просто повезло! Он получил передышку!

За две недели их отсутствия надо принять решение. Ситуация осложнилась до предела. Кажется, он запутался. Надо поговорить с Ингой, серьезно поговорить. Для этого разговора Артем и отвел сегодняшний вечер, но секретарша вдруг отпросилась с работы пораньше, мол, есть важное дело. Он отпустил, но на душе стало мрачно. Значит, это правда! Его подозрения насчет Инги. И решение надо принять радикальное. Как говорится, быть или не быть.

Инга обещала приехать позднее, прямо к нему домой. Как правило, в нечастые вечера любовных свиданий они возвращались с работы вместе, соблюдая все меры предосторожности. Она выходила из офиса первой, шла к метро и там, у входа, ждала его. Потом ехали к ней, если Аня была дома, или к нему, если она в отъезде. Жена любила бывать у родителей, где полно прислуги, и обожала заграничные вояжи. Деньги на них ссужали родители, которые привыкли баловать младшенькую. Хотя львиная доля пряников доставалась старшей, отчаянно некрасивой, но умной Ольге. Аня же была туповата, за что отец ее все время ругал.

Каждый раз Артем с ужасом ждал, что столкнется у метро с кем-нибудь из своих сотрудников. Либо консьержка доложит жене о визитах Инги. И Артем совал женщине деньги, заискивающе глядя в глаза: «Тетя Тоня, это вам к Восьмому марта. Подарочек». И к Рождеству. И к Пасхе. Благо, что праздников в календаре хватает. А еще Артем приплачивал охране на стоянке. За молчание.

Оправдание было давно готово: личная секретарша приезжает с документами к нему на дом, потому что не справляется с делами на работе. Фирма большая, обороты растут. Но это сказочка для глупцов. У Инги внешность фотомодели. Ею она и была раньше. Конечно, в офисе такого класса, как у него, все секретари должны иметь внешность фотомоделей, в том числе и его личный. Аня все понимает. Но какая же двусмысленная ситуация сложилась! Все знают, но делают вид, что не знают. До каких пор так будет продолжаться?

Он как раз пытался просчитать эту ситуацию, когда раздался звонок мобильного телефона. Решил: отвечу в случае, если это крайне важно. Только своим. Под «своими» подразумевалась семья, жена, тесть, теща. Сестра жены, но она звонила очень редко. И ее муж. Лучший друг. Или бывший лучший друг? Даниил. Даня. Данька. Он.

– Да, Даня, я слушаю.

– Здравствуй. Как дела?

– Потихоньку.

– Какие планы на завтрашний вечер?

– А что случилось? – Артем слегка насторожился.

– Да ничего не случилось! Хотелось повидаться.

– Знаешь, у меня уже есть планы. – Разумеется, он думал об Инге.

– Понимаю. Жена в отъезде. Моя, кстати, тоже. Может, посидим, поговорим по-мужски?

Или по-родственному. Как тебе больше нравится?

– Я в курсе, что твои дела не очень, – осторожно сказал он.

– Тестюшка отрапортовал?

– Скажи прямо: чего ты хочешь?

– Совета.

– Совет у меня один: брось это дело. Бизнес – не твое.

– Легко сказать, – усмехнулся бывший лучший друг. – Я бы бросил, да только не знаю как. Чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Вот и хотел с тобой посоветоваться. Может, вновь сольемся, как в былые времена? Теперь ты будешь руководить процессом, а я на вторых ролях. Кем угодно, лишь бы должность называлась громко.

– Заманчиво. – Артем задумался. Начинили-то вместе! Тогда он еще не был зятем. А потом долгое время оставался зятем номер два. И младшим компаньоном. Потом раскол. Ссора. И вот Даня просит мировую. Заманчиво.

– Ну так приезжай часиков в семь, Тема. Обещаю вечер приятных сюрпризов.

– Мы что, будем не одни? – сразу насторожился Артем.

– Соседи хотели заглянуть на огонек. Ты ж понимаешь, это святое. И нам не мешает.

Соседка, между прочим, известная на всю страну писательница, можешь потом похвастаться знакомством. Посидим, выпьем хорошего вина, поболтаем. Потом они уйдут, а ты останешься ночевать, и мы обо всем договоримся. Я прекрасно знаю, что у тебя последнее время бессонница.

– Заманчиво, – вновь повторил Артем. А в мыслях промелькнуло: ну не сволочь же я последняя? Это ж Данька! Данька Грушин! В общаге вместе жили, шесть человек в комнате, стены раскрашены под кирпичную кладку! А потом делили комнатушку на двоих. Уже на старших курсах, когда стали считаться «дедами». Неужели дележ фирмы положил конец студенческой дружбе? Ну не сволочь же он! Нельзя так. Нельзя... – Хорошо. Приеду.

– Спасибо, друг, – с чувством сказал Даня. – Так я тебя жду.

И дал отбой. А на душе у Артема Реутова потеплело. Честно сказать, не хотел он терять Даньку Грушина. Не так много осталось друзей. Все больше деловые партнеры. И с Данькой, как только стали деловыми партнерами – дружба кончилась. Нет, врешь! Можно оставаться человеком и после того, как дела пошли в гору, как стал преуспевать. Кто сказал, что у Реутова нет сердца? Есть. Огромное. Как он сам. Горячее сердце. Только открой его для всех – порвут на клочки. Богатому приходится быть безжалостным, потому что его самого никто не жалеет. И все пытаются использовать. Но Данька... Данька Грушин! Эх!

Артем не жалел о том, что дал согласие на мировую. В самом деле, что за проблема? Приехать в гости к другу, к родственнику. Их жены – родные сестры. А Инга... Инга ждет. А где она, в самом-то деле? Надо бы ей позвонить. И рука Реутова вновь потянулась к мобильнику.

Червы

пятница, вечер

Она шла к метро и нервно покусывала губы. Афродита, богиня любви. Будто из пены морской, и не идет – летит, ногами земли не касаясь! Деловой костюм строгого синего цвета, но юбка короткая и ослепительные длинные ноги, вот они: во всей своей красе! Светлые кудри развеивает ветер, глаза... Глаза спрятаны за стеклами солнцезащитных очков, несмотря на то что погода пасмурная. Того и гляди пойдет дождь. Но никто не должен видеть ее слез. Ведь она – Афродита! Богиня любви...

Правильно ли она поступила? Сделала ставку на Артема, а он может и не понять ее намеков. Пока его жена в отъезде, надо принять решение. Отпросилась с работы пораньше и по его лицу поняла: что-то подозревает. Если бы только он знал правду! Тогда все. Конец. Любви конец. Любви? Отношениям.

Но на встречу она все-таки поехала. А после почувствовала, как камень упал с души. Пусть. Выбор сделан. Ее жизнь давно уже похожа на грязный ком, который катится и катится, цепляя все больше и больше грязи. Она настолько вывалялась в этой грязи, что дальше уже не страшно. Дальше некуда.

На нее почти все оглядывались. Женщины с завистью, мужчины с восторгом. Счастливая внешность! Не поскупились мать-природа. Рост метр семьдесят семь, 90-60-90 в наличии, блондинка, ноги длинные, походка от бедра. Одним словом, стандарт. Этот стандарт ее и погубил. Она слишком похожа на всех остальных высоких длинноногих блондинок. Без изюминки. Огонька в ней нет, жизни нет, как говорил фотограф-профессионал, делающий ее портфолио. Замени Ингу другой длинноногой блондинкой – никто и не заметит.

А что сделать, чтобы запомниться? Людям, продюсерам, бесконечным любовникам, которые обещают до того, как окажутся в постели, золотые горы, а после не помнят даже ее имени? Это беда Инги: она не запоминается. Про нее можно сказать только одно: красивая. А какая? Блондинка? Блондинок много. 90-60-90? Стандарт. Нос? Прямой. Рот? Ни большой, ни маленький. В меру. Стандарт.

Вот и эти, что шею сейчас сворачивают, зайдут в метро, сядут в вагон, уедут. И забудут. Может, какой-нибудь подросток, чьи гормоны играют, скажет приятелю, захлебываясь слюной: «Видел сегодня у метро а-бал-денную девицу!» А какую? Блондинку...

Тридцать лет. Жизнь не сложилась. Несмотря на длинные ноги. Несмотря на 90-60-90. Два года назад встретила у метро подружку, с которой начинали в модельном агентстве. Случайная встреча. Шел месяц март. Ах, этот март! Для нее – месяц перемен. Каждый март что-нибудь да случается. Плохое ли, хорошее, но – непременно! Она шла к метро, подружка же выскочила из сверкающего на солнце «Мерседеса» и кинулась к киоску за сигаретами. Все еще не веря своим глазам, Инга ее окликнула:

– Светка? Ты?!

И вспомнилось: ранняя весна, презентация вин на ВВЦ. Их тела раскрашены под картины известных художников: в моде боди-арт. У нее на теле – Айвазовский. Блондинка, глаза голубые. Ей идет морской пейзаж. А Светка – та Ван Гог. Сама яркая, рыжая, на носу веснушки. Платья короткие, совсем прозрачные, спины голые, до попы. А на улице ранняя весна. Холодно, просто жуть! В огромном павильоне сквозняки. И непонятно, то ли это морской пейзаж окрашивает кожу в синий цвет, то ли жуткий холод. У них со Светкой зубы тогда стучали. Приходилось согреваться теми самыми винами, нацеживая их прямо из бочек в одноразовые стаканчики. К концу презентации обе были хороши. И Светка, отхлебывая «спотыкач» из пластикового стаканчика, сказала:

– Все. Хватит. 3-3-завязываю.

– И что будешь делать?
– Что, что! З-з-замуж выйду!
– За кого?
– Есть тут один. Деньги, фирма. Проблема – женат.
– И?..
– Чем черт не шутит! Авось повезет? Не каменный же он, в самом деле! А я – девочка горячая. – И синяя от холода Светка лихо потрянула рыжими кудрями.

Потом она исчезла. И вот вам, пожалуйста! На белоснежном «Мерседесе»! Шубка норковая, а воротник-то из шиншиллы, в ушах бриллианты! И какие! Вся в шоколаде подружка!

– Светка, неужели ты?!
– А ты все пешком, подружка? – прищурила Светка огненный глаз. Все такая же рыжуха, и веснушки на носу. Нравится же кому-то! – Как сама?

– Плохо. Помнишь ту презентацию? А «спотыкач»? Помнишь?

– Ну?

– Свалилась я с воспалением легких. До сих пор в себя не приду! Сбережения ушли на врачей, у меня же ни регистрации, ни московского страхового полиса. Тридцать на днях стукнуло. Пачка сигарет в день. Без бутылки пива никак. Что со мной будет, Светка?

– Сопьешься. К маме, папе не тянет еще?

– О чем ты?

– Ладно. В память о коллекционных винах. Садись в мою тачку. Вижу: есть хочешь. Поедем, поговорим...

Не имей сто рублей. Вот с тех пор и закрутилось. Счастлива ли она? Строгий костюмчик синего цвета, туфельки в тон, бесцветный лак для ногтей, телесного цвета колготки и почти невидимая помада. Полупрозрачные платья и кокетливые черные чулочки на кружевном поясе остались в прошлом. Весь позор – в прошлом. Ой ли?

Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок! Это про нее. Расхлебывай теперь! Мобильный телефон звонит. Это Артем. Ищет ее. Ждет.

Но на дисплее высветился другой номер. Не может быть! Все еще не веря в случившееся, Инга тронула пальцем мобильник и тихо сказала в трубку:

– Да?

– Инга?

– Даниил?

– Что ж так неуверенно? Неужели не узнала? Или у тебя нет определителя номера?

– Есть, но...

– Не ждала, да?

– Чего ты хочешь?

– Я хочу? – Он рассмеялся. Как мало пройдено дорог...

– Понимаю, как ты ко мне относишься. Но ты тоже должен понять...

– Понять тебя? Ха-ха! Понять! Дешевая ты шлюха. И только-то.

– Перестань! Ну чего ты хочешь?!

– Встретиться. Всего лишь. Понимаю: не ко времени. Может быть, ты по старой памяти заглянешь к нам в дом, сделаешь уборку, соберешь грязное постельное белье, приготовишь ужин?

– С ума сошел?

– А что? Брезгуешь теперь? Высоко взлетела?

– Я этим больше не занимаюсь!

– Ну, милая! Не упрямясь! Завтра в семь.

– У меня другие планы.

– Советую отменить, – жестко сказал он. – Узнаешь много интересного.

Она вдруг вспомнила сегодняшнюю встречу. А это кстати, что Даня объявился! Он сам этого захотел! Сам позвонил! Вот и выход из создавшейся ситуации.

– Хорошо, я приеду.

– Умница. Значит, завтра в семь?

– Да.

– Номер маршрутки еще помнишь? Или успела обзавестись машиной?

– Я приеду на такси.

– Я оплачу.

– Да пошел ты...

– Милая, у тебя какие-то проблемы?

– Об этом и поговорим. До встречи.

Все. Отбой. До чего же неприятно слышать его голос! Увидев его впервые, она подумала: какой красивый мужчина! Глядишь в его серо-голубые глубокие глаза, похожие на речные омуты, и сердце замирает! Теперь понятно, от чего. От страха! От ужаса! Потому что омуты его глаз просто ледяные! Не смотри подолгу – утонешь!

Вновь звонит мобильник. На этот раз Артем.

– Инга, ты где?

– У метро. А ты?

– В машине. Еду домой.

– Я уже освободилась.

– Хорошо. Встретимся через полчаса возле нашего универсама. У входа. Успеешь?

– Да.

Артем не должен знать, где она находится. Полчаса? Пусть будет полчаса.

– У тебя там подхвачу, купим продуктов на ужин, и – ко мне. Идет? Или ты в ресторан хочешь?

– Насчет завтрашнего...

– Да, насчет завтрашнего дня. Мы хотели поехать в...

– Так я хотела тебе сказать, что...

– Я хотел сказать, что...

– Не могу.

– Не могу.

– Я вынужден уехать, малыш.

– Я тоже.

– Вечером мы это обсудим.

– Да что там обсуждать? – насторожилась она. – Мне сегодня позвонила подруга. У нее юбилей... Свадьбы.

– И сколько лет?

– Сколько? Два. Или три. Это не телефонный разговор. Через полчаса.

– Через полчаса. Жду.

Интересно, он куда собрался? Неужели к тестю в гости? А что? У них дела. Нюрка-корова улетела на Кипр вместе с детьми. Вот у кого жизнь – малина! Теща может проявить беспокойство, как там любимый зять проводит выходные в отсутствие жены?

Любит ли Артем свою половину? Нет, конечно! Это брак по расчету. А ее, Ингу, любит? Даже если любит, это ничего не меняет. Он прочно увяз в браке, в детях, в делах фирмы. У них с Ингой нет будущего. И сегодняшний ее поступок ничего не меняет тоже. Но как хочется верить! Верить и надеяться на лучшее.

Пики

пятница, вечер

Предприимчивый молодой человек приятной наружности, коренной москвич Валентин Владимирович Борисюк (двадцати восьми лет, холост, образование высшее, к уголовной ответственности не привлекался) любил засиживаться на работе допоздна. Особенно в пятницу вечером. Особенно когда надо избавиться от очередной назойливой девицы.

Дело в том, что Валентин считается завидным женихом. Во-первых, у него хорошая работа, стабильный заработок и перспективы на блестящую карьеру. Во-вторых, новенькая машина, престижная иномарка стального цвета. В-третьих (и что самое важное!), у него отдельная квартира. Собственная. Однокомнатная, но в новом доме, улучшенной планировки, и с кухней в двенадцать метров. Девушки, с которыми Валентин встречался, единодушно считали, что в такой квартире надо непременно вить уютное семейное гнездышко. У Валентина на этот счет были другие планы.

Не то чтобы он не хотел жениться. Отнюдь. Но справедливо считал, что молодая жена должна быть в доле. Он кладет на алтарь брака однокомнатную квартиру, солидную зарплату, перспективную карьеру и машину. Плюс свою свободу. Она тоже должна положить кое-что существенное. Не только свою молодость, красоту и безумную любовь к нему, Валентину Борисюку, в коей он ни секунды не сомневается.

Но девушки отчего-то считали, что молодости и красоты вполне достаточно. Как только речь заходила о браке, Валентин слышал одно и то же. Ты, дорогой, будешь работать, делать карьеру, я же работу тут же брошу, рожу тебе ребенка и буду заботиться о том, чтобы каждое утро у тебя была чистая белая рубашка, а каждый вечер – вкусный ужин на столе.

Ему казалось, что это несправедливо. Денег никогда не бывает много. Неработающая жена – все равно, что бездонная яма, в которой денежный ливень лишь стенки смочит. Парикмахер, массажистка, косметолог, каждую субботу поход по магазинам за модными тряпками, вечные жалобы на скуку и одиночество. Валентин знал все это из рассказов своих женатых друзей. И ребенок – удовольствие дорогое. Памперсы, детское питание, платные доктора опять-таки, массажист... И так до бесконечности.

А Валентин Борисюк был человеком бережливым. На машину копил несколько лет, в кредит не брал. Он вообще не любил переплачивать. Ни за что. Сначала ездил на стареньких «Жигулях», потом на новых, потом продал их, добавил недостающую сумму, и вот вам, пожалуйста! Иномарка! Из салона! Следующий этап – обновить мебель, сделать шикарный ремонт в квартире. А лучше поменять ее с доплатой на двухкомнатную. Если работают оба, то можно жить неплохо. Но тянуть семью одному... А если он потеряет службу? Рассчитывать не на кого. Только на себя. Родители деньгами не помогают, да еще и выговаривают за чрезмерные расходы. Надо, мол, копить на черный день, на старость. Откладывать с каждой зарплатой. Как всю жизнь делали они.

В свете же последних событий все осложняется. Ну не может он сейчас жениться! Еще недавно жизнь казалась ему безоблачной. Но последнее время хозяин, Артем Дмитриевич Реутов, относится к Валентину более чем прохладно. Что случилось?

Ломал голову над этим, и вдруг холодный пот прошиб! Неужели узнал?! Это конец! Чему быть, того не миновать! Раньше надо было думать! Поверил честному слову, но чьему?! Выходит, все открылось. А тут очередная претендентка на однокомнатные хоромы висит на телефоне. Оказалась настойчивее, чем ее предшественницы. Случись это полгода назад, он бы нашел в себе силы справиться с этим.

Но сейчас... Сейчас все изменилось. Уверенность в завтрашнем дне исчезла. Не до женитьбы ему. И не до семейных проблем. Свои бы решить.

– Ало?

– Валечка, дорогой, это я, Марина!

– Я же сказал, что занят! На работе.

– Я знаю, знаю. Ах, милый, ты так много работаешь! Совсем не бережешь себя! Я не стану тебя отвлекать. Я только хотела сказать...

– Меня шеф вызывает.

– Что я беременна.

– Что-о?!

– Ты рад? Рад? Я так и знала!

Просто нет слов! А если она блефует? Ну откуда? Он не вчера на свет родился, знает, откуда берутся дети. А ну-ка вспоминай! Да твой ли это ребенок?

– Почему ты молчишь? – с обидой в голосе спросила она. – Ты что, сомневаешься? Это твой ребенок!

Что на это сказать?

– М-м-м...

– Как ты можешь! Я готова немедленно пройти тест! На отцовство! Я докажу!

– Хорошо, хорошо. Мы поговорим об этом после.

– Когда после?

– Когда я вернусь домой.

– Почему у меня до сих пор нет ключей от нашей квартиры?

– Я... подумаю об этом, – промямлил он.

– Завтра суббота. С утра я у тебя. Все, целую. Милый, я так счастлива!

Раньше он организовывал себе командировки. В другие города, а бывало, что и в другие страны. Длительные командировки. На месяц, на два. Так отвечали секретари девушке, звонившей в офис по душу Вали Борисюка. И то же самое сообщал автоответчик в его квартире. Когда он «возвращался», девица успевала кого-нибудь подцепить. Современные барышни весьма и весьма предприимчивы. И не любят долго ждать. Но Маринка взялась на дело всерьез. Ну когда это случилось?! Он схватился руками за голову. Что делать?

И вдруг мобильный телефон зазвонил вновь. Неужели опять она? Или...

«Д. Э.» – высветилось на дисплее. Сюрприз!

– Да, слушаю, Даниил Эдуардович!

– Валентин? Ты еще на работе? – с иронией спросил собеседник, который был прекрасно осведомлен о его привычках.

– Да.

– И как дела?

– Нормально.

– Только не ври. Я знаю, что Артем Дмитриевич к тебе охладел.

– Он вам что-нибудь говорил? – А в мыслях промелькнуло: разве они общаются? Кажется, после раздела фирмы Грушин и Реутов враги не на жизнь, а на смерть. Так неужели?..

– Да, мы заключили мировую. О слиянии двух фирм.

– Как это? – спросил он, и голос сел.

– Думаешь, в новой фирме тебе найдется местечко? Это я собираюсь стать замом по рекламе. А что? Работа не пыльная. Откаты. А я, как ты знаешь, напрягаться не люблю. Опять же: загранкомандировки, девочки-модели. Организация презентаций.

– Даниил Эдуардович, а как же я? Что будет со мной? – жалобно проблеял он.

– Я в курсе, что тебе нужны деньги. Много денег. – Человек на том конце эфира рассмеялся. Холодный пот по спине. Опять. Рубашка уже мокрая! Сначала нынешний хозяин, теперь бывший. Да это просто злой демон! Все-то он знает! А Грушин вдруг сказал, уже совершенно

другим тоном: – Ты вот что, Валентин. Завтра вечером, часиков в семь, подъезжай ко мне. Дорогу еще не забыл?

– Нет. Я все прекрасно помню.

– А как кинул меня при разделе и ушел к Артему, помнишь?

– Я...

– Успокойся. Дело-то прошлое. Я зла на тебя не держу. Короче, приезжай. Посидим, поговорим. Чайку попьем. Я ведь знаю, что ты спиртное не употребляешь. С некоторых пор.

Его собеседник загадочно рассмеялся. И вновь спина у Валентина покрылась липким потом. Как он узнал? Да неужели?! Источник информации тот же! Никаких сомнений!

– Я все понял, Даниил Эдуардович, – упавшим голосом сказал он. – Завтра буду у вас. Ровно в семь.

– До встречи.

И вновь Валентин сидел, обхватив голову руками. Это конец. Конец, если до понедельника не найдется выход. Маринке придется провести завтрашний вечер одной. В его квартире. Даст он ей ключи, чтоб она провалилась!

А вдруг ошибка? Надо бы и в самом деле сходить вместе с ней к врачу. За ручку отвести, если будет упрячиться. Хочется поговорить с гинекологом самому. И тест на установление отцовства надо пройти непременно. Не вчера на свет родился. Маринка – одна из моделей, с которыми три месяца назад он устраивал шикарную презентацию новых товаров фирмы Реутова. А жизнь у моделей известно какая! Не хватало еще растить чужого ребенка!

Но это будет лишь на следующей неделе. Визит к доктору и все такое. Разоблачение мошенницы, очередной провинциалочки, положившей глаз на его квартиру. И завтрашний день, как бы плох он ни был, надо прожить тоже...

Туз пик

утро, суббота

Проснулся Грушин в превосходном настроении, несмотря на плохую погоду. Жены дома не было. И сына тоже. Одиночество – достойная награда за терпение. Черно-белые красавицы улыбались с фотографий. Прекрасное лицо Вивьен Ли словно светилось, огромные глаза сияли. Он почувствовал себя влюбленным.

– Доброе утро, любимая! Ты проснулась? Я тоже!

То, что она молчала, его не смущало нисколько. Так даже лучше. Он мог рассказать ей обо всем, не заботясь о том, что его могут в любой момент перебить или не дослушать. Кто угодно, только не она! Лучшая из женщин! И как прекрасна!

Потом он сделал гимнастику, для чего спустился вниз, в тренажерный зал. На улице было пасмурно и сыро, накрапывал дождь, выходить на пробежку не хотелось. Что ж, сегодня можно обойтись и беговой дорожкой. После как следует поработать на тренажерах, покрутить педали, сделать упражнения на пресс. Заслужив завтрак, Грушин пошел пить кофе.

Он очень заботился о своем здоровье. Пил одну чашечку кофе в день, за завтраком, а дальше только чай, не курил. Из спиртных напитков употреблял только мятный ликер. Вообще-то Грушин предпочел бы абсент, но злоупотребление этим напитком вызывает галлюцинации. Зеленая фея губит легко, это Даниил знал из литературы на примере злоупотреблявших абсентом гениев, в основном французов. А мятный ликер – неплохой заменитель. Такой же зеленый. Ни родные Даниила, ни его друзья такого пристрастия не понимали и не одобряли. Как можно пить эту зеленую гадость, по вкусу напоминающую зубную пасту? Есть бренди, отличный коньяк, французское вино, наконец! Уж в чем в чем, а в спиртных напитках недостатка в доме нет, хотя пьющих нет тоже. Ассортимент спиртного Грушин держал для гостей. Сам же предпочитал мятный ликер. Заветная бутылочка всегда стояла в кабинете рядом со столиком для раскладывания пасьянсов. У всех есть странности, у него тоже. И чем так уж плоха зубная паста? Бывало, в детстве он, словно какое-нибудь лакомство, ел ее из тюбика. Она называлась «Лесная» и тоже была зеленого цвета. Шоколадки же и прочие сладости перепали Дане редко. Детство... Мама с грязной половой тряпкой в руках... Нищета... Даниил Эдуардович Грушин невольно поморщился.

Завтрак доставил ему истинное наслаждение. Кофе, тосты, яичница с беконом. Надо подкрепиться как следует. Когда зазвонил телефон, Грушин невольно вздрогнул. Вот оно, начинается! Уже давно он ощущает себя приговоренным к смерти. Лежит на эшафоте, в позорном ошейнике. А над головой – нож гильотины. Теперь Даниил Эдуардович почувствовал, как тот предательски дрогнул. Вот-вот упадет!

– Даниил, почему ты так долго не берешь трубку? – раздался недовольный голос тестя. Как всегда, тот говорил медленно, тщательно выговаривая каждое слово. Словно пережевывая. Не запинаясь, не глотал букв, и после каждого слова делал крохотную паузу, чтобы казалось значительнее. Даже через семнадцать лет называл мужа старшей дочери только так: Даниил. Точнее, Дани-ии-л.

– Я... Был в душе.

– Как? До которого же часа ты спишь?

– Давно встал, но...

– Что у вас с Ольгой? – оборвал тесть, не собираясь слушать его оправданий.

– Ничего. Абсолютно. Как всегда.

– Раньше она так горячо за тебя заступалась. Хм-м-м...

– Заступалась?

– Я принял решение, Дани-ии-л. Когда вы с Темой затеяли раздел, я был против. Категорически. Одна большая фирма всегда лучше двух маленьких. Но вы настаивали, ваши жены на меня давили, и я уступил. И что произошло? Тема оправдал мои ожидания. А ты нет. Его дела неуклонно идут вверх, в то время как твои все так же неуклонно идут вниз. И я принял решение о слиянии.

– Что будет со мной?

– Хм-м-м... Ты должен подъехать ко мне в понедельник, часикам к девяти, – уклончиво сказал тесть. И ехидно добавил: – Для тебя это не рано?

– Нет. Но я хотел бы знать...

– Там и узнаешь. Все.

И тесть дал отбой. Грушин почувствовал, что голова отлетела. Нож все-таки упал. Придется идти ва-банк. Подобрать отрезанную голову и пристроить ее на место. Голова ему еще нужна. Еще не все потеряно. До понедельника есть время.

три часа дня

Приходящая домработница занималась уборкой, а он заперся у себя в кабинете и раскладывал все тот же пасьянс. «Гробница Наполеона». Надо же! Вновь сошелся! Что бы это могло означать? Что его блестящий план захвата осуществится? Именно!

«Раз нам плохое видится в хорошем... – бормотал он, перекладывая последние карты, и вновь пики. – Раз мы не верим ни в добро, ни в зло...» Валет, дама, король...

«Оставь нас, Боже, в нашем милом прошлом...

В котором все уже... произошло...»

Когда-то он сочинял стихи, и, говорят, неплохие. Господи, кому в наше время нужны поэты? Нужны бизнесмены, чиновники, программисты. Много кто нужен, но только не поэты. И как жить, когда душа ни к чему подобному не лежит? Как? Умереть? Что-то не хочется.

Грушин замер в предвкушении. В руке остался лишь туз пик – последняя карта. Сошелся! Любимый пасьянс сошелся! В нем все уже произошло! Даниил счастливо рассмеялся. И в этот момент раздался звонок. В дверь. Система работала таким образом, что на втором этаже звонок был слышен так же, как и на первом. Всегда надо быть начеку.

Кто-то стоял на пороге. Гостей Грушин не ждал. Никого к себе так рано не приглашал. И давно уже в этот дом никто не приходит без приглашения, и без предварительного звонка. Разве что соседи? Но соседей он ждет вечером.

Маша откроет. И доложит ему, кто пришел, зачем пришел...

Осторожный стук в дверь. И робкий женский голос:

– Даниил Эдуардович...

– Кто там?

– Какой-то пожилой господин. Говорит, его послала ваша жена.

– Что за чушь!

– Вы бы вышли.

– Никого не хочу видеть!

– Но он настаивает. И ваша жена...

– Она бы меня предупредила.

– Даниил Эдуардович... Он ведь не уйдет, – просительно сказала Маша. Молодая женщина, бесцветная, нерешительная. Но готовит замечательно, потому и задержалась у Грушиных. Машей он не то чтобы дорожит, но ценит удобства, которые та приносит в дом. Например, вкусный борщ и сочные отбивные. – Даниил Эдуардович...

О, черт! Должно быть, какая-то ошибка! Только не сейчас! Он с раздражением смешал карты, швырнул их на стол и вышел из кабинета. Спустился на первый этаж, где в гостиной

его ожидал посланный женой пожилой господин, как доложила Маша. Интересно узнать, что для тридцатилетней женщины означает «пожилой»?

Нет, все в порядке. Господину лет под шестьдесят. Лицо интеллигентное, седой ежик волос. Дорогие очки в тонкой золотой оправе. Пойдите-ка... Лицо вроде бы знакомое.

– Где я мог вас...

– Пожалуйста мою визитную карточку. Профессор, доктор наук.

– Каких еще на...

О черт! Он вспомнил! Вспомнил!

– Вы психотерапевт, который чуть ли не ежедневно навещает мою тещу! Там мы и сталкивались пару раз!

– Именно.

– Но что вы делаете в этом доме? Здесь нет ваших пациентов!

– Сегодня утром мне звонила ваша жена. Настоятельно просила заехать.

– Вы в своем уме?

– Я – да, – спокойно произнес профессор.

– Вы хотите сказать, что я... Убирайтесь вон!

– Даниил Эдуардович, вы не хотите со мной поговорить?

– О чем?

– Вы не предложите мне сесть?

– Нет, – отрезал он.

– Тем не менее.

И профессор опустил на диван. Грушин всерьез разозлился. Позвонить Ольге? Что она себе позволяет? Но кричать не стоит. Корректно и вежливо выставить господина из своего дома. Даниил Эдуардович даже попытался улыбнуться:

– Видите ли, я жду гостей.

– Конечно, конечно! Я в курсе. Но ведь вы ждете их вечером, не так ли?

– Кто вам сказал? Ольга? – прошипел он. – Да, я жду гостей вечером! Но мне надо подготовиться!

– Это не займет много времени. Уверяю вас.

– За каким чертом вы пришли?

– А что вы так волнуетесь, Даниил Эдуардович? Присядьте, пожалуйста.

– Это мой дом!

– Да, да, конечно.

– Я сейчас позвоню жене.

– Как вам угодно.

Он потянулся было к телефону, но передумал. Это какая-то игра. Если ее прервать, ничего не узнаешь. Что на уме у Ольги? И рука так и не коснулась телефонной трубки. Грушин сел в кресло, напротив седого господина в очках.

– И что вам сказала моя жена? – улыбнулся Даниил Эдуардович через силу. – Почему попросила заехать? И почему меня не предупредила?

– Сказала, что в этом случае вы можете сбежать. Или запретите домработнице открывать дверь. Словом, сделаете все, чтобы избежать моего визита.

– Как видите, этого не случилось. Бежать я не собираюсь. Разумно отвечаю на вопросы. На дворе конец сентября, сегодня суббота. Меня зовут Грушин Даниил Эдуардович. Мою жену зовут Ольга, сыну Максиму шестнадцать лет. Итак, вы убедились, что со мной все в порядке?

– Ваша жена очень о вас беспокоится, Даниил Эдуардович. Вы не могли бы объяснить мне некоторые ваши поступки?

– А именно? – усмехнулся он.

– Мертвые женщины.

– Мертвые жен... – он запнулся, потом сообразил. – Ах, фотографии у меня в спальне! Вот что вы имеете в виду!

– А вы? Вы что имеете в виду? – подался вперед господин в очках.

– Бог мой, да ничего! Разумеется, ничего! Да, я живу в прошлом. Читаю только мемуары, смотрю черно-белые фильмы. Раскладываю пасьянсы. Что в этом странного?

– Насколько я в курсе, вы по образованию...

– Инженер-физик. Факультет аэрофизики и космических исследований. Дальше?

– А почему вдруг мемуары? Откуда нелюбовь к компьютерам? Ненависть к телевидению? К мобильным телефонам? По-моему, вам должно быть это близко.

– Что это?

– Техника. Расчеты. Компьютеры.

– У каждого свои странности.

– Принимается, – слишком уж охотно согласился профессор. – А на работу почему не ходите? Делами не хотите заниматься? У вас что, депрессия?

Тут он не выдержал. Это уже слишком! Что затеяло святое семейство? Тесть, теща, жена?

– Я устал, вы слышите?! – закричал он. – Устал от того, что меня постоянно контролируют! Следят за мной! За каждым моим шагом! Это не жизнь – пытка! Каторга! Я так больше не могу!

– Ну-ну, успокойтесь, – миролюбиво сказал профессор.

– Я так больше не могу! Не хочу! Вы слышите?! Я не могу! Так! Жить!!!

– Я и пришел для того, чтобы вам помочь.

– Помочь? Вы? Мне? – И он громко рассмеялся. Теща – курица. Тупица. Помешалась на своих болезнях! На депрессии, которая у нее якобы существует! И других пичкает лекарствами! Верит всяким шарлатанам! Сколько их перебывало в ее доме! Маги, мануальные терапевты, психоаналитики... Но он, Даниил Грушин, не так глуп! Сказал, как отрезал: – Я не нуждаюсь в помощи. Пожалуйста, покиньте мой дом.

– Даниил Эдуардович...

– Вон!!!

– Что ж... – И гость, тихонько вздохнув, встал с дивана. – Не буду настаивать.

– Маша! Маша! – закричал Грушин.

Перепуганная домработница появилась в дверях гостиной. И чего хозяин так разволновался?

– Проводи этого господина. И проследи, чтобы он покинул наш участок. Калитку закрой. – И, когда профессор в сопровождении Маши направился к входной двери, ехидно добавил: – Надеюсь, моя жена вам заплатила за визит? От меня вы не получите ни копейки!

Профессор обернулся и живо сказал:

– Не беспокойтесь, Даниил Эдуардович, не беспокойтесь. Я заработал на этом целое состояние!

– Что-о?!

– Скажите, вы понимаете шутки?

– Да кто вы такой?!

– Я дал вам визитную карточку. Там все написано. Всего хорошего.

Едва сдержался. Сжал кулаки, но сдержался. Все, гость уже уходит. Грушин услышал, как хлопнула входная дверь. Когда вернулась Маша, хмуро спросил:

– Он ушел?

– Да, Даниил Эдуардович.

– Совсем?

– Сел в машину и уехал.

– Хорошо, – кивнул он с удовлетворением. – Можешь идти. Займись ужином.

Домработница неслышно удалилась на кухню, а он потянулся к мобильному телефону, лежащему на столе. Спустя мгновение услышал голос жены. Словно его звонка ждали.

– Говори.

Что это с ней? Голос какой-то... мертвый. Да. Ольга никогда не разговаривала с ним таким тоном! Но разве не он должен сейчас быть в бешенстве?

– Ольга, что это означает?

– А именно?

– Визит этого... этого... врача! Психотерапевта!

– Даниил, я знаю, что ты считаешь себя очень умным. Умнее всех.

– Не говори глупостей, – пробормотал он.

– Так вот: догадайся. У тебя есть время. До полуночи.

– Что за бред ты несешь!

– Если догадаешься... Впрочем, ничего не могу обещать. Решение ты должен принять сам. Я даю тебе шанс.

– Оля...

– Все.

В трубке было молчание. Грушин перенабрал номер. «Абонент не отвечает или находится...» Все. Она отключила мобильный телефон. И узнав от горничной, что звонит он, к стационарному, что находится в отцовском особняке, тоже не подойдет. Трубку же берет только прислуга. Господ к телефону *приглашают*. Позвонить на мобильник тестю? Самоубийство. Теще? Безумие. Кому? Да будьте вы все прокляты!

Вернувшись в кабинет, Грушин попытался привести мысли в порядок. Что имела в виду жена? Никогда он не считал Ольгу женщиной умной и проницательной. Вообще не находил в ней достоинств. Никаких. Вчера вновь пришлось соврать ей, что он женился по любви. Влюбился, мол, с первого взгляда. Увидел на дискотеке и подошел. Но увидел-то со спины! Тогда она была худенькой, хотя потом, в постели, он обнаружил, что иной раз и полнота вызывает больше положительных эмоций. У Ольги не было талии, впоследствии она и полнела равномерно: все больше становилась похожей на бревно. Ноги короткие, груди почти нет.

Так почему? Она стояла спиной, стрижка модная, одежда явно не из магазина, с рук, или даже из-за границы. Это были времена тотального дефицита, когда импортные вещи добывались из-под полы и с огромным трудом. Так вот на Ольге были ультрамодные джинсы и свитер импортный, и туфли с иголочки, тоже импортные. На джинсах лейбл всемирно известной фирмы. Таких вещей он не видел еще ни на ком.

– Разрешите? – вкрадчиво спросил он. Когда девушка обернулась, оторопел. Какая же некрасивая! Нос уточкой, глазки пороссячи. Но упакована основательно. Интересно, откуда у нее все эти шмотки? Провинциал Грушин решил не теряться.

Потанцевав с модной девушкой, он предложил ее проводить, благо это был последний медленный танец. На старших курсах Грушин предпочитал приходить на дискотеку под занавес. Желторотые юнцы, первокурсники, которым все это было в диковинку, путались под ногами и откровенно его раздражали. Зачем суетиться? Один танец, и проблема решена. Кто может быть лучше? Слава о нем гремит на весь институт: неотразимый Даня Грушин, гроза женщин! Достаточно одного взгляда. После дискотеки Даня, как правило, поднимался с партнершей наверх, к себе в комнату, выводил соседа за дверь на короткие переговоры, и гостья оставалась до утра. Ольгу же он решил проводить на автобус. Подруга, с которой она приехала, осталась ночевать в мужском общежитии. У той с внешностью все было в полном порядке.

На улице Ольга без раздумий поймала такси. Ночью. До Москвы. Гм-м-м... Институт, где учился Даня, находился в пригороде. Сделав в уме подсчеты, он, словно шутя, поинтересовался:

– У тебя что, денег куры не клюют?

– Да. Денег хватает. У родителей.

– А кто у нас родители?

– Папа работает в Министерстве внешней торговли. Этим летом мы вернулись из-за границы, где прожили пять лет, – ровным голосом ответила девушка. И села в машину.

Такси отъездало, а он все еще стоял в раздумье. Все иногородние студенты мечтали жениться на москвичках, чтобы зацепиться в столице. Тех, кто не смог стать москвичом, в лучшем случае распределяли с койкой в общежитии. В худшем – свободный диплом. На все четыре стороны. Лучше бы четыре стены, чем четыре стороны! Даня не был избалован родителями и судьбой. Отца не знал, отчество «Эдуардович» мама выбрала потому, что оно показалось ей красивым. Лучше всех прочих. Повезло ему только с внешностью.

И в голове зашевелилась подлая мыслишка: «Смотри, не упusti!» Такой шанс! Не просто москвичка, отец работает в Министерстве внешней торговли! Пять лет жили за границей! Так вот откуда шмотки! *Оттуда*. Магическое слово.

И Даня дрогнул. Болван! Даже номер телефона не взял! Тупица! Когда же Ольга появилась на дискотеке в следующую субботу, кинулся к ней, ног под собой не чуя. Судьба дала ему еще один шанс. И тут уж Даня Грушин своего не упустил.

Надо отдать ему должное: Даня был безупречен. С другими девушками тут же перестал встречаться, Ольгу о родителях не расспрашивал, разговор о деньгах не заводил, в гости не напрашивался. И вообще не навязывался. Тонко, деликатно подводил ее к мысли: вот он я, твоя Судьба! Ни одна женщина не могла перед ним устоять, Ольга – не исключение.

А когда свершилось, и Грушин увидел-таки будущих тестя и тещу, он повел себя очень умно. Не озирался по сторонам с жадностью, о детстве своем рассказывал крайне осторожно, отца придумал, а то, что летчик, так не удивительно! Откуда еще у Дани страсть к космическим полетам и проектированию пилотируемых аппаратов? Да, папа разбился, когда он был совсем маленьким. Бывает. С детства клеил самолетики, потом модели космических кораблей, увлекался расчетами. В престижный вуз поступил сам, без протекции. Скромн, честен, старателен. Безумно любит Ольгу. И чиновнику из министерства Даня приглянулся. Раз старшая дочь так решила, значит, так тому и быть! Хотелось бы зятя с родословной, но, глядя на этого парня, все можно простить. Уж больно хорош, шельмец! О теще и говорить нечего! На женщин средних лет Грушин всегда производил неизгладимое впечатление. Преподавательницы в институте слушали Даню, улыбаясь, и ниже четверки никогда не ставили. Даже если он запинаялся и делал ошибки.

Итак, отец дал добро. Началась подготовка к свадьбе. Никого из родни Даня на бракосочетание не пригласил, мама приехала одна, и весь вечер сидела серенькой мышкой, не открывая рта. Так велел сын. На следующий день она уехала, а Даня начал новую жизнь. В шикарном квартире тестя, в центре Москвы.

Все на курсе считали, что ему крупно повезло. В том числе и лучший друг Артем. Сосед по комнате. Тот самый, которому не раз приходилось очищать койко-место для очередной ночной гостьи. Нет, по окончании института Даня не переехал в общежитие. Получил лучшее распределение из всех, какие были возможны. А всего через год тесть «устроил» им с Ольгой отдельную квартиру. Двухкомнатную. Благо родился сын. Даня и здесь не сплеховал. Все хотели мальчика, и на свет появился Максим Данилович Грушин. Первый внук, гордость деда!

И все пошло как по маслу. Перестройка тестя не испугала, напротив. Он оказался на коне, в момент приватизации вовремя подсуетился. Отхватил активы, сколотил немалое состояние. Но руководить частной фирмой поставил зятя. Это, мол, его. Грушин – не Самохвалов. Не надо отождествлять. Проектирование космических аппаратов Даниил Грушин вскоре забросил, стал продавать импортную мебель и сантехнику. Вот тогда и случился в нем надрыв.

Тема, друг полуголодной студенческой юности прав: не его это. Неизвестно, кем на самом деле был отец Дани Грушина, может быть, и летчиком. Была же любовь к небу! К самолетам. К ракетам. Которую не заменишь любовью к импортным унитазам.

И он ушел в прошлое. В то самое прошлое, где на героев космоса буквально молились. Знали их поименно. Где он мог бы добиться многого. Сам. Без жены и тестя. Запоздалое раскаяние всколыхнуло душу. Не надо было жениться на Ольге. Сломал себе жизнь. Все ему завидуют. Все. Только сам он себе не завидует...

А насчет загадки, которую задала жена... Что ж, до полуночи есть еще время. Ничего оригинального она придумать не может. Помучит его немножко и успокоится. Потому что любит. А любовь слепа.

Вечеринка в стиле ретро

Колода карт

семь часов вечера

Домработница ушла час назад. Завтра у нее выходной. Это к лучшему, хотя в доме будет бардак и полно уборки и грязной посуды. Но кого это будет волновать *завтра*? Грязная посуда и затоптанный пол? При том, что здесь *завтра* найдут? Садовник тоже не придет. Они с женой пенсионеры, живут в соседней деревне и оба подрабатывают у Грушиных. Маша одна не справляется, и хотя хозяйская семья небольшая, всего трое, дом-то какой! Огромный! И за участком надо следить: подстригать газон, ухаживать за цветами, содержать в порядке плодовые деревья. Но в эти выходные отпущены все. Вся прислуга.

После ухода Маши Даниил Грушин еще раз прошелся по дому. Все ли готово? Накинув плащ с капюшоном, вышел на улицу и осмотрел дом снаружи. Потом поднялся на крыльцо черного хода и запер дверь на тяжелый засов. Ставни на первом этаже закрыты. Проверил и эти засовы: прочно. Сделано на совесть, от воров. Глянул на балкон: высоко! Кто будет прыгать со второго этажа? Инга в туфлях на высоких шпильках? Неповоротливый увалень Артем, который после тридцати сильно располнел? Просто до безобразия! Писательница в годах? Унылая Кира? Он чуть не рассмеялся, но вспомнил Сиду. Вот кто представляет собой опасность! Но у Сиды – свой интерес. Он с балкона прыгать не станет.

Моросил дождь. Погодка-то, как по заказу! Холодно, мрачно. Убедившись, что и снаружи все в порядке, Грушин вернулся в дом. А здесь уютно и тепло! Он снял плащ и, стряхнув с него дождевые капли, аккуратно повесил в шкаф.

Дом огромен. Три этажа, в полуподвальном помещении оборудован гараж на две машины, тренажерный зал, бильярд, сауна, бассейн, санузел при нем. На первом этаже гостиная, просторный холл, огромная кухня и хозяйственные помещения, в том числе комната для прислуги. Порой Маша остается ночевать, а ее предшественница, та вообще уезжала только по редким выходным дням. Но Грушин от нее избавился: слишком уж любопытная.

На втором этаже гостевые комнаты, огромный каминный зал с подсветкой по всему периметру, балконом, и рядом – рабочий кабинет хозяина. На третьем – размещены четыре спальни и еще один санузел. Кладовки не в счет.

«Внутреннее убранство дома отличается неповторимым авторским дизайном», как было написано в рекламе. Что ж... Должно быть, это так! Даня Грушин, мальчик из коммуналки, о таком и мечтать не смел! Они с матерью жили в самой маленькой комнате, а в двух побольше – соседи. И у тех, и у других – семьи, дети. Общая кухня, где прилепились рядышком три стола. Все четыре газовые конфорки вечно заняты, пахнет бельем, которое кипит в огромной кастрюле, и в кухне стоит водяная завеса. По стенам, выкрашенным зеленой масляной краской, стекают капли, словно во время дождя. То и дело на кухню забегают дети и, схватив со стола пирожок, бегут на улицу либо в коридор, где тут же разгорается драка. Словом, теснота, шум, суета! В детстве ему не хватало уединения. Здесь же таких мест предостаточно. А главное, что дом с секретом. Узнав о нем, он без промедления сказал жене: покупаем!

Предыдущий дом был гораздо скромнее. И подальше от Москвы. Но три года назад дела Даниила Эдуардовича Грушина шли неплохо. Очень даже неплохо. Артем был его младшим компаньоном, и он словно родился бизнесменом. Вот у кого чутье! И дело тут не в везении. Артем занимается делами вдохновенно. Для него колонки цифр в выписке из банка – это целая поэма! Реутов днюет и ночует на работе. Может быть, все из-за той же нелюбви к жене? Оба ведь женились по расчету. Но найти отдушину в работе! Это уж слишком!

Тем более что Артем Реутов не спешит воспользоваться плодами своего труда. Они с Анютой и двумя детьми обитают в трехкомнатной квартире. Конечно, в престижном районе столицы, в элитном доме, внизу консьержка и охрана на входе, но... Почему Артем не купит загородный особняк? Тем более сейчас, когда дела идут в гору и у тестя он в фаворе, в то время как вечный соперник Грушин в опале! У Реутовых двое детей...

Нет, Тему ему не понять. Хотя они с первого курса жили вместе, в одной комнате, казалось, должны были основательно друг друга изучить. Лучшие друзья...

Итак, стол накрыт в каминном зале. Столовые приборы расставлены, красное вино открыто, дышит. Вино для писательницы. Тема почти не пьет, а если и случится такое, только водку. Рюмку-две. Не больше. Сид пьет исключительно пиво, и только пиво. Надо отдать ему должное, спиртным не увлекается, крепче пива – ничего. Ни-ни! Киру Грушин тоже никогда не видел с рюмкой в руке. Но это особый случай. Для Киры – минеральная вода. И для Валентина. Тоже особый случай. Но другой. Вывод один, а причины разные. Своих сегодняшних гостей Даниил Грушин изучал не один год, прежде чем подобрался к их маленьким тайнам.

Что касается Инги... Ха-ха! Вот кто непременно воспользовался бы случаем и напился! Она все употребляет: и водку, и пиво, и красное вино. Впрочем, и белое тоже. Обожает шампанское, но не разбирается в нем. То, что за двести долларов, не отличает от дешевки за сотню рублей. Плебейка! Привыкла сливать в себя все, без разбору! Но Инга давно здесь не была. Год, не меньше. Должно быть, изменилась. Ее привычки не в счет: много чести! Грушин знает одно: мятный ликер Инга терпеть не может! Назло ему, не иначе! Мятный ликер для него, хозяина.

Он еще раз оглядел стол, каминный зал. Все ли готово? В правом углу пианино, на нем подсвечник – трезубец, похожий на скипетр бога морей Нептуна. Увы, нет рояля! Ему бы хотелось, чтобы здесь, в каминном зале, стоял рояль. Белый. Мечта мальчика из коммуналки: огромный дом, гостиная, посреди которой стоит белый рояль, за ним женщина с высокой прической, в платье в пол, на длинной шее – жемчуга... Музыка сегодня будет живая: вечеринка в стиле ретро. Старинный буфет у стены заперт на ключ. В нем – сюрприз. Другой сюрприз – стеллаж с книгами у противоположной стены. На первый взгляд ничего особенного. Но... Даниил Эдуардович Грушин тонко улыбнулся...

...В половине седьмого он начал растапливать камин. Не спеша, наслаждаясь процессом. Когда дрова занялись, долго сидел на корточках, смотрел на огонь. Пока не почувствовал, что ноги затекли. Без десяти семь зажег свечи. По залу поплыл тонкий запах жасмина. Свечи ароматизированные. Запах создает настроение. Капелька грусти, чуть-чуть тревоги и море поэзии. Пусть все сегодня будет красиво. В том числе и смерть.

Потом он выключил верхний свет. Многочисленные лампочки на потолке погасли, лишь стены зала таинственно светились. В камине горели дрова. Языки пламени отбрасывали на стены длинные тени. Как красиво! Интересно, кто придет первым? Грушин спустился вниз, в гостиную. Здесь на столе в ряд стояли подсвечники. Он взял один и не спеша зажег три свечи. Прошел с подсвечником на кухню, оттуда – в маленький закуток, где находился распределительный щит. И, словно отрезая себе путь к отступлению, потянул вниз рубильник. Свет в доме погас...

...Прасковья Федоровна прекрасно знала, как нравятся Дане женщины в длинных вечерних платьях. Порой он бывал откровенен с соседкой. А она умела слушать. Профессия такая. Писатель должен уметь слушать. И наблюдать. Специально для Дани она сделала строгую прическу: волосы закрутила на затылке пучком, заколола шпильками. Надела длинные висячие серьги, благо шея у нее длинная, красивая. Ах, скинуть бы еще лет десять! И, вздохнув, Прасковья Федоровна потянулась за массивным ожерельем. Надо закрыть мелкие морщинки, вырез у платья глубокий, шея открыта.

– Кира! Подойди сюда! – крикнула она. И когда подруга появилась в спальне, попросила: – Застегни. Осторожнее!

Та была все в том же бесформенном балахоне. Рукава почти закрывают сухие жилистые кисти, длинные скрюченные ногти похожи на когти хищной птицы. Балахон доходит почти до колен ей, из-под него – неизменные клешни. До пола.

– Ты так пойдешь? – спросила Прасковья, когда Кира застегнула ожерелье.

– Да. А что?

– Все-таки в гости идем!

– Мне все равно, – бесцветным голосом сказала Кира.

– Как знаешь, – пожала плечами Прасковья Федоровна и, бросив взгляд в зеркало, кокетливо спросила: – Ну как я?

– Кого ты хочешь обмануть? – криво усмехнулась Кира.

– То есть?

– Он специализируется на девочках помоложе.

– Ты-то откуда знаешь?!

– Знаю, – загадочно ответила Кира и неслышно вышла из спальни.

Вот ведь чучело! Бродит по дому, как привидение, и на всех навеивает тоску! Выгнать бы ее, да нельзя. Злата Ветер и Кира Крымова связаны одной веревочкой. Прочной – не оборвешь!

Одевшись, она спустилась вниз. Сид неохотно выключил телевизор и поднялся с дивана. На нем были черные кожаные штаны в обликку и черная майка-алкоголичка. В особняке Прасковьи Федоровны тепло. На отоплении не экономят, ибо писательница теплолюбива, да и Кира постоянно ежится, будто ей холодно. Прасковья Федоровна с удовольствием посмотрела на бугристые мышцы молодого мужа, обтянутые трикотажем. Широкая грудь, мощные плечи. Темные волосы Сид стягивает на затылке в хвост, но прическа не выглядит женственной. Напротив. Подчеркивает мужественное лицо с тяжелым подбородком и носом, при взгляде на который так и хочется сказать: «египетский». Отчего? Кто знает. Но прозвищем «Фараон» Сид обязан ему. И неизменные очки с затемненными стеклами. Изысканной формы, чрезвычайно модные.

– Готов?

– Мм-м-м... – Сид потянулся за кожаной курткой, небрежно брошенной на спинку дивана.

– Кира!

– Да иду уже! Иду!

Входную дверь запирает подруга. Прасковья Федоровна глянула на часы: она не любила опаздывать. И очень хотелось выпить. Конец недели, надо бы расслабиться. Иногда можно себе позволить. Тем более такое вино!

Без пяти. Пока дойдут, будет ровно семь.

– Кира, что ты там копаешься?

– Все. Готово.

По тропинке они пошли под морозящим дождем от крыльца к калитке. Сид в короткой кожаной куртке, Прасковья Федоровна в элегантном плаще, и Кира в бесформенном балахоне, надетом поверх другого бесформенного балахона. Ставни соседнего особняка были закрыты, но сквозь щели в них пробивался свет. И на третьем этаже свет. И в окнах тренажерного зала. Но когда они уже были на соседнем участке, свет вдруг погас. Во всем доме. Одновременно.

– Что за черт? – удивленно спросил Сид. Прасковья Федоровна беспомощно обернулась. Нет, другие дома светятся. Значит, электричество отключилось локально, у Грушиных.

– Постой... Там, на втором этаже. Какое-то мерцание.

– Должно быть, топится камин, – вяло сказала Кира.

– Значит, нас ждут! – уверенно заявила Прасковья Федоровна и первой направилась к входной двери.

– Не ходи! – взвизгнула Кира. Прасковья Федоровна вздрогнула, а Сид невольно попятился.

– Что? Что такое? – оглянулась на подругу писательница.

– Я тебя умоляю... Паша... – простонала Кира.

– Глупости! – И Прасковья Федоровна решительно поднялась на крыльцо.

В этот момент раздался жуткий звук. Точнее, скрежет. Будто гвоздем провели по стеклу. Кира пронзительно завизжала. Входная дверь распахнулась. На пороге стоял хозяин, высоко поднимая в руке подсвечник. Прасковья Федоровна чуть не упала прямо в его объятия.

– Что это? Что такое?! – в ужасе прошептала Кира.

– Должно быть, на крыше, – равнодушно сказал Грушин. – Порыв ветра. Стихия разыгралась. Не ветер – ураган! Вы вовремя. Проходите.

– А почему темно? – с опаской спросил Сид.

– Я же вас предупреждал: вечеринка с сюрпризом! – рассмеялся хозяин. Так жутко, что всем стало не по себе. Даже Прасковье Федоровне, которая за день до этого утверждала, что Даня ничуть не похож на маньяка. Тем не менее она вошла.

У соседей она бывала неоднократно и в огромном доме хорошо ориентировалась. Зато Сид смешался. Очувтившись в холле, беспомощно ухватился за руку жены:

– Мать... Я почти ничего не вижу.

– Сними очки, – посоветовала Кира.

– Черт знает... – выругался Сид.

Когда он снял очки, Грушин невольно улыбнулся. Все понятно! Сид нигде не появляется без элегантных очков с затемненными стеклами, потому что глаза у него маленькие, близко посаженные и невыразительные. В стриптиз-клубе, куда Даниил заходил специально ради Сида, парня гримировали под египтянина и подводили ему глаза черным карандашом, делая их больше. В обычной жизни недостаток внешности Сид прятал за темными стеклами очков. Консультация модного стилиста пошла ему на пользу. Сида все считали красавчиком.

– Куда нам? – робко спросила Кира.

– Момент, – обронил хозяин. – Вечеринка в стиле ретро. Ужин при свечах, живая музыка. Ни телевидения, ни видео, ни музыкальных записей. Так что прошу сдать мобильные телефоны.

– Как это? – оторопел Сид. – За каким?..

– Ах, как это занятно! – захлопала в ладоши писательница. – Ну же, Сид, не упрямься!

– Черт знает что, – вновь выругался тот. Потом спохватился. – А что? Приколно!

И достал из кармана кожаной куртки мобильник.

– Я звонков не жду и телефонов с собой не ношу, – пожал плечами Кира.

Прасковья Федоровна вытащила из сумочки крошечный телефон и с кокетливой улыбкой протянула хозяину:

– Пожалуйста.

Тот подошел к стоящей в холле элегантной стенке с отделениями для одежды, обуви, шляп и ящиками для всякой мелочи. Выдвинув один из ящиков, положил мобильные телефоны туда.

– Теперь прошу наверх. В каминный зал. Ужин накрыт там.

... – Боже, какая прелесть! – ахнула Прасковья Федоровна, очувтившись перед накрытым столом. И простонала: – Ах, Даня, ты такой романтик! Ароматические свечи! Этот запах...

– Жасмин, – тонко улыбнулся Грушин. – Розовый жасмин.

– Кто-то еще будет? – подозрительно спросила Кира, пересчитав приборы.

– Да. Гости, – уклончиво ответил хозяин дома.

– Знакомые? – деловито осведомился Сид.

– Кое-кого вы знаете, – вновь уклонился от прямого ответа Даниил Грушин.

И в этот момент раздался стук в дверь. Как подъехала машина, хозяин не слышал. Он сообразил: Инга!..

...Она долго мучилась: что бы соврать Артему? По какой причине она лишает его субботнего вечера вдвоем, в тихой спокойной обстановке? Но тот и не собирался задавать вопросов. Только когда Инга стала одеваться, удивленно спросил:

– Ты в таком виде поедешь к подруге на юбилей? В джинсах и свитере? Или заедешь домой переодеться? Но разве ты успеешь?

Она на мгновение смешалась. Поездка за город, от остановки маршрутного такси идти по тропинке минут пять-семь в сторону коттеджного поселка. Не в вечернем же платье! Джинсы и свитер – самая подходящая для этого одежда.

– Милый, мода сейчас демократична, – попыталась улыбнуться она. – Джинсы – это не только модно, но и удобно. К тому же ужин будет в интимной обстановке, приглашены только близкие люди. И, разумеется, друзья семьи.

– Что за подруга? Не Светлана ли?

– Да, – соврала она, ни на минуту не задумавшись над тем, что Артем может это проверить.

– Что ж... – Артем отвернулся к телевизору. Даже не спросил про подарок. Разумеется, она бы выкрутилась. Сказала бы: «Куплю по дороге». Обычно ее любовник более внимателен. Но сегодня взгляд у него рассеянный, мысли где-то далеко. Инга в курсе его планов. Не надо ему мешать. Тема – прирожденный бизнесмен. Пусть думает о том, как увеличить прибыль. Остальное – ее проблемы.

Инга заколола волосы, чтобы не мешались, подкрасила губы бледной помадой в тон лаку для ногтей. Порядок. По сравнению с тем, как она выглядела в момент их с Даниилом знакомства, – прогресс налицо! Пусть-ка попробует теперь назвать ее дешевой шлюхой!

В прихожей надела модные полусапожки на шпильках. В этом она не могла себе отказать, обувь на каблуке была ее слабостью. Несмотря на высокий рост, Инга ничуть не смущалась того, что может оказаться выше своего кавалера. Пусть! Обувь на каблуке делает походку женщины волнующей.

– Извини, что не могу тебя подвезти, – виновато сказал Артем, выходя в прихожую, чтобы ее проводить.

– Не стоит, – поспешно ответила Инга. – Все в порядке.

– Ты уверена, малыш?

«Малыш»! Без каблуков Инга одного с ним роста! А сейчас на несколько сантиметров выше! Малыш!

– Все, пока. Увидимся завтра.

– Вечером, – эхом откликнулся Артем.

– Ты ночуешь у тестя? – поинтересовалась она вскользь.

– Да, дела семейные, – уклончиво ответил он и закрыл за ней входную дверь. Они расстались как начальник и подчиненная, довольно прохладно. У обоих были дела.

Она не стала ловить такси, дорого. В свете вчерашних событий надо экономить деньги. Будущее туманно. А метро и маршрутка обошлись меньше чем в сотню. Экономия и вновь экономия. «Как в былые времена», – грустно усмехнулась Инга. Сойдя на остановке, она достала из сумочки зонт и, раскрыв его, решительно зашагала по тропинке.

Дом Грушиных был виден издалека. Высокая крыша и окна третьего этажа, где горел свет. Когда Инга ступила на тропинку, свет вдруг погас. Ей стало не по себе. Что там случилось? Тем не менее она не остановилась. Ей необходимо поговорить с Даниилом! Разрубить наконец этот узел!

Дойдя до ворот, она заметила в окнах каминного зала знакомое мерцание. Значит, Даня опять взялся за свое. «Оставь нас, Боже, в нашем милом прошлом...» Она прекрасно знала все его привычки, которым ей приходилось подыгрывать неоднократно.

Но в особняк Инга вошла не сразу. Несколько минут собиралась с силами. А что если в доме нет никого? Только хозяин. Даниил Грушин – страшный человек. И никто не знает, куда она поехала. Но сказать Артему? Невозможно! Инга решительно закрыла зонт и поднялась на крыльцо. Электричества не было, звонок не работал, пришлось стучать. Вскоре входная дверь распахнулась. Стоящий на пороге Даниил Грушин высоко поднял подсвечник:

– Приехала? Заходи.

И посторонился.

– Ты один? – с опаской спросила она.

– Боишься? – он ехидно рассмеялся. Ей стало жутко. – У меня гости. Соседи. И еще кое-кто приедет.

– А... – вздохнула Инга с облегчением. Они в доме не одни. Уже хорошо. Но как же тогда серьезный разговор?

И зайдя в просторный холл, поспешно сказала:

– Мне надо с тобой поговорить.

– Как это мило! – с иронией произнес хозяин. – Давай раздевайся.

В темноте не было видно, как вспыхнули ее щеки. Инга поспешно скинула кожаную курточку и повернулась к шкафу.

– Ничего, если я останусь в своей обуви?

– Наплевать. Да, чуть не забыл. Вечеринка с сюрпризом. В стиле ретро. Так что, будь добра, сдай мобильный телефон.

– Ты шутишь?

– Ничуть. Вот сюда. – Даниил выдвинул один из ящиков стенки. С усмешкой добавил: – Не бойся, твое имущество будет в целости и сохранности. Здесь воров нет. С некоторых пор.

Она поняла намек. Нехотя достала из сумочки мобильник.

– Боишься? – вновь спросил Даниил.

– Чего мне бояться? Мы ведь не одни.

И она положила телефон в ящик к остальным. Потом спросила:

– Куда? Наверх?

– Да. Стол накрыт в каминном зале.

И он первым стал подниматься по лестнице, высоко поднимая подсвечник...

...В это время в каминном зале нарастало напряжение. Обстановку нагнетала Кира, которая без конца повторяла:

– Я хочу уйти, я хочу уйти...

– Да замолчи наконец! – оборвала ее подруга. И велела мужу, потянувшемуся к тарелке: – Сид, не хватай куски!

– Мм-м-м... Есть хочу, – ответил тот с набитым ртом.

– Ну что ты как ребенок!

– Тс-с-с... Голоса! – сказала чуткая Кира. – Женщина... Это женщина!

– И что? – пожала плечами Прасковья Федоровна.

– Кажется, это...

Хозяин появился в дверях первым. Увидев высокую молодую женщину, идущую следом, Кира всплеснула руками:

– Инга! Господи, Инга!

– Кира!

Обнялись порывисто они. Даниил смотрел на это с усмешкой. Прасковья Федоровна с удовлетворением: наконец-то Кира успокоится! Что касается Сиды, то он оценивающим взгля-

дом окинул Ингу с ног до головы. Изменилась, но... К лучшему. И по-прежнему стройна. Тонкая талия, длинные ноги. Сколько из-за нее было скандалов с женой! Однажды, когда Прасковья Федоровна застала его на балконе с биноклем в руках, нацеленным в сторону соседского особняка, она кричала так, что у Сида чуть не лопнули барабанные перепонки!

– Дамы, усаживайтесь, – гостеприимно предложил хозяин. – Я слышу, как подъехала машина. Думаю, мы скоро начнем.

И Даниил Грушин вновь направился к двери. Едва он спустился в холл, как раздался гудок автомобиля. Надо открыть ворота. Поскольку шел дождь, подсвечник Грушин оставил в холле, прихватил с собой фонарик на батарейках. Накинув плащ, вышел наружу. Как он и предполагал, это приехал Валентин. Начальство же, как всегда, задерживается.

– Что случилось? – спросил Валентин, открыв дверцу машины. – Почему так темно?

– Небольшая проблема с генератором. У нас тут полная автономия, это ни разу не подводило, а тут... Проезжай.

– А ворота? – спросил Валентин, загнав свою невзрачную иномарку на территорию Грушиных.

– Оставь. Сейчас еще кое-кто приедет.

– Разве мы будем не одни?

– У меня сегодня вечеринка.

– Фу ты, как неудобно! Получается, что я напросился.

– Брось. Ведь это я тебя пригласил. Кое-кого ты знаешь. С остальными познакомишься. Проходи, не стесняйся! Сейчас я представлю тебя очаровательным дамам.

Просьба положить мобильный телефон в ящик Валентина удивила несказанно. Он знал, что бывший хозяин с причудами, но чтобы с такими! Однако увидев, что в ящике уже лежат три аппарата, подчинился беспрекословно. У богатых свои причуды. В конце концов, будет что рассказать. Вечеринка в стиле ретро. Подумать только! Ну, буржуи! Хозяева жизни! Чем больше денег, тем больше фантазии! А нам, простым смертным, лишь бы напиться до чертиков да наесться до отвала. И потрепаться. Без всяких там изысков. Нет, Грушин – это нечто! Надо будет Маринке рассказать. Вот удивится!

Поднявшись следом за хозяином наверх, Валентин увидел открытые двери каминного зала. У Грушина он бывал пару раз, но еще до раскола фирмы. А в качестве гостя – никогда. Обсуждали дела, бизнес-план, который потом с треском провалился. И ставка на Артема Дмитриевича была сделана верно. До некоторых пор все шло гладко...

– Прошу, – гостеприимно сказал хозяин и с усмешкой добавил: – Не тушуйся, Валентин, здесь все равны.

В зале Борисюк увидел симпатичного парня в кожаных штанах, к которому сразу же проникся неприязнью, двух особ бальзаковского возраста, одна из них была отвратительна, другая, в длинных серьгах и в вечернем платье, в общем-то, ничего, и высокую смазливую девушку. Девушка стояла спиной к нему, отвернувшись к окну, но то, что она красавица, Валентин понял сразу. В ее фигуре и прическе чудилось что-то до боли знакомое. Но там, у окна, было темно.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался Валентин.

Высокая девушка обернулась и вскрикнула. Он оторопел. Инга! Секретарша босса! Вот это встреча!

– Ты меня не предупредил, – резко сказала Инга, обращаясь к хозяину.

– А что такое? – сделал невинное лицо Грушин. – В чем криминал? Для непосвященных поясню: Инга и Валентин трудятся в фирме моего друга и родственника, Артема г-м-м-м... Дмитриевича. Она личный секретарь, он – начальник пиар-отдела, заведует рекламой. Коллеги, так сказать. Или я чего-то о вас не знаю?

Валентин слегка напрягся. Инга затрепетала. Спросила все так же резко:

– Это последний твой сюрприз, Даниил?
– Нет. Последний сюрприз... Кажется, машина подъехала.
– Да, – шепотом сказала Кира. – Подъехала.
– Тот, кого я жду с таким нетерпением... Вы тут знакомьтесь пока с новоприбывшим, а я сейчас. Как только последний гость поднимется – можно начинать...

...Почему он не сказал Инге, что едет в гости к Дане? Дела семейные. Не хотелось возвращаться к прошлому. Артем прекрасно знал, что всякое упоминание о Грушиных Инге неприятно. Примерно с год она работала у них горничной. Потом Ольга позвонила ему и сказала, что Инга эту работу переросла. Окончила курсы секретарей и нуждается в трудоустройстве. Он как раз укомплектовывал штат в новой фирме. Теперь уже в своей.

– Понимаешь, у Дани нет вакансий, – пожаловалась Ольга. – И, признаться, они с Ингой не ладят. А мне девочка нравится. Если хочешь рекомендации, позвони Бураковскому. Его жена Светлана и моя Инга когда-то работали вместе. Светлана мне ее и порекомендовала, и, знаешь, я довольна. Ты тоже не пожалей.

Ольга звонила ему редко. И никогда ни о чем не просила. Поэтому Ингу на работу он взял. И ни разу об этом не пожалел, Ольга оказалась права. О Данииле Грушине Инга отзывалась с такой откровенной неприязнью, что тема эта не обсуждалась. И, кажется, красавица нарочно старалась поссорить друзей, отношения между которыми и без того были напряженными, сделать так, чтобы они никогда больше не встречались. Артем был неглупым человеком и в людях разбирался. Он прекрасно понимал, что это неспроста. Но поскольку Ингой он сильно увлекся, причины ее поведения доискиваться не пытался и допросов с пристрастием не учинял. Она к нему в постель не девственницей легла, понятно, что с такой внешностью жизнь девушка вела бурную.

Подъехав к особняку Грушиных, Артем с удивлением заметил, что в доме и на участке нет электричества. Что за бред? Но ворота открыты. Значит, Даня его ждет! Тот упоминал о гостях. Соседи, мол, зайдут на огонек. Но почему так темно? Въехав на участок, Артем заметил припаркованную машину. Марку ее в темноте не разглядел. Соседи пришли пешком, а это еще кто?

Входная дверь открылась, и на пороге появился Даня в плаще с капюшоном. Спустился с крыльца, светя электрическим фонариком:

– Здорово, Тема! Рад, что ты приехал! Погоди, я ворота прикрою.
– Что здесь происходит? – спросил Артем.

Хозяин прикрыл створки ворот и, вернувшись к гостю, странно улыбнулся:

– А что тебя напрягает?
– Света нет!
– Подумаешь, проблемы! Паркуйся вон рядышком, – он кивнул на невзрачную серую иномарку. – Я тебе посвечу.
– Чья это машина? – резко спросил Артем.
– Гостя.
– Ты ничего не говорил о гостях!
– Да вы знакомы. Давай ставь машину и проходи в дом. Все уже сидят за столом. Тебя ждут.
– Мы так не договаривались!
– Разве?

Надо было тут же развернуться и уехать. Но ведь это же Данька! Данька Грушин! Если он не в себе, тем более надо остаться! Другьям нужно помогать. И Артем все-таки припарковал свой новенький «Мерседес» рядом со стальным воробышком неизвестного гостя, потом поднялся на крыльцо.

Даня ждал его в холле. Теперь он держал в руке подсвечник. Когда Артем вошел, хозяин запер входную дверь на ключ и положил его себе в карман. Потом сказал:

– Одна маленькая просьба.

– Что такое?

– Вечеринка с сюрпризом. Клади мобильник сюда, в ящик.

– Ты спятил?!

– Вечеринка в стиле ретро.

– Спятил! Точно!

– Ты что, боишься?

– Кого? Тебя? – А бывший друг здорово его разозлил! Отдать мобильник? Да пожалуйста! И Артем, сопя, полез в карман плаща. – На.

Взяв телефон, Грушин со вздохом сказал:

– Второй.

– Что?

– Я знаю, что меньше двух мобильных телефонов у тебя с собой не бывает.

– Объясни же наконец! Что происходит?!

– Там, наверху, сюрприз. Уверяю: тебе понравится.

– Хорошо. Будь по-твоему.

Артем достал и второй телефон, потом снял плащ, протянул Грушину. С сумасшедшими лучше не спорить. В доме они не одни, и бояться нечего. Еще неизвестно, кто кому морду набьет.

Плащ Грушин повесил в шкаф, оба мобильных телефона положил в ящик и запер его на ключ, который сунул в карман пиджака. Гм-м-м... Артем усмехнулся. При такой организации вечеринки надо бы надеть смокинг. Подкачал Данька! Надел черный костюм, это торжественно, но безлико. Сам он тоже был в темном костюме, сшитом на заказ. Другая одежда Артему не шла откровенно. С такой фигурой, да в джинсах! Только людей смешить! А надо, чтобы уважали и боялись.

Артему нравилось здесь все меньше и меньше. Данька спятил! Интересно, а как вызвать «Скорую» и санитаров из психушки, если мобильники заперты в ящике на ключ? По домашнему телефону, вот как! Света нет, но не перерезал же Грушин телефонный кабель! И, в конце концов, не в пустыне же! Здесь соседи, у них есть дом, в доме телефон. Все вместе они скрутят этого психа в одну минуту. И сдадут на руки санитарам. Пусть немного потешится. Артем почти успокоился.

– Ну, ты доволен? – спросил он, когда Грушин разделался с мобильниками.

– Почти. Пойдем наверх. Но... Держи себя в руках.

– Я не понял...

– Сказал же: сюрприз.

Реутов поднимался вслед за хозяином по лестнице с нетерпением. Что означает фраза «держи себя в руках»? У него нет знакомых, которых можно было бы...

– А вот и последний гость! Встречайте! – провозгласил Грушин на пороге каминного зала.

– Добрый ве...

Слова застряли в горле у Артема. Он увидел Ингу. Так вот что за сюрприз! К подружке она поехала! Постой-ка! Ба! Да это же Валентин Борисюк! Здесь! В доме у Грушина. Вот кто откровенно смешался! И даже сделал шаг назад, в тень. Ну Грушин! Удивил!

Но как быть с Ингой? Возникает масса вопросов: случайна ли эта встреча? Знает ли об их отношениях Даня? Кто такие его соседи? На всякий случай Реутов повел себя осторожно. Кричать не стал, Инге и Валентину кивнул безразлично:

– Добрый вечер. Вообще-то ужинать с подчиненными не входит в мои правила.

– Да брось! – подмигнул ему Грушин. – Сегодня это не твои подчиненные, а мои дорогие гости. Инга и Валентин когда-то работали у меня. Я пригласил их по старой памяти. А это мои соседи. Известная писательница Злата Ветер, ее подруга Кира, также писательница, но менее известная, и муж Си... В домашнем обиходе просто Сид. Он не обижается.

– Сыр засыхает, – пожаловался Сид. – И жульен остыл.

– Он и холодный неплох, – улыбнулся хозяин. И радушно пригласил: – Ну рассаживайтесь, гости дорогие.

Сид первым рванул к столу. Модная писательница поспешно заняла место рядом с ним по левую руку и еле заметно кивнула Кире: прикрой. Та поняла и села справа. Рядом с ней Инга. Артем решительно отодвинул стул с другой стороны от нее и тяжело опустился на него. Успев при этом шепнуть:

– Что это означает?

– Я тебе потом все объясню, милый, – поспешно сказала Инга.

«Осторожнее!» – чуть было не крикнул он. А вдруг Даня в курсе? Черт знает, что у него на уме!

Валентин все еще мялся у стола. Наконец, решившись, сел рядом с известной писательницей. И тут же отметил, что ошибся в оценке ее возраста. Женщине за сорок, а не тридцать с хвостиком, как он предположил изначально.

Грушин с удовлетворением оглядел гостей и кивнул на один из двух оставшихся свободными стульев:

– Значит, это мое место! Хорошо. Я так и думал. Прежде чем мы начнем... Кстати, когда преподнести сюрприз? Сейчас или после первой?

– А разве это еще не сюрприз? – спросила Инга с иронией.

– Нет. Давайте наполним бокалы.

Сид тут же потянулся к банке импортного пива, сказав при этом:

– Уважаю пиво!

И указательным пальцем выбил крышечку. Сид обожал дешевые трюки и считал, что на женщин они производят впечатление.

– Поухаживайте за мной, – кокетливо сказала писательница Валентину.

– С удовольствием, – откликнулся тот. – Вам что налить?

– Вина. Вон та бутылка, – и Прасковья Федоровна сделала еле заметное движение бровями. – Рекомендую.

– Он не пьет, – улыбнулся Грушин.

– Почему? – откровенно удивилась писательница.

– Потому что за рулем, – пояснил хозяин дома.

Валентин побагровел.

– Я тоже не пью, – вздохнула Кира и сказала Борисюку: – Налейте-ка нам «Боржоми».

– Артем? – обратился Грушин к своему главному гостю.

– Водки, – хмуро бросил тот. – Кстати, для кого еще один стул?

– Для незваных гостей, – словно бы в шутку ответил Грушин. – Не обращай внимания.

Инга сидела в раздумье, пока Грушин не потянулся к бутылке шампанского. Никто и не заметил, как он ловко открутил проволоку. Когда раздался хлопок, дамы дружно завизжали.

– Это всего лишь шампанское, – усмехнулся Грушин и горлышком запотевшей бутылки коснулся хрустального бокала, стоящего перед Ингой. Она не протестовала.

Не считая отсутствия электричества, все было похоже на обычное застолье. Гости понемногу успокаивались. Грушин наполнил зеленым ликером крохотную рюмочку и, подняв ее, сказал:

– Прежде чем мы выпьем... Вам интересно, зачем я вас собрал и что за сюрприз?

Сид недовольно нахмурился, ему хотелось пива и еще больше хотелось есть. Остальные выразили желание послушать хозяина. Сиду пришлось смириться.

– Хорошо, – сказал Грушин и встал. – Итак, речь!

Первый расклад

– Дамы и господа! Мы знакомы не один год, и все вы считаете меня, мягко говоря, человеком со странностями. Но о моем тайном хобби (я могу поклясться!) не знает никто из вас. Вот уже с год я коллекционирую маленькие тайны. Человеческие секреты. И вы здесь гости не случайные. Сегодня на вечеринку приглашены люди, нарушившие закон...

– Ты бредишь, – нахмурился Артем.

– Дослушай до конца. Нарушившие закон и воспользовавшиеся этим. Следовательно, так же нарушившие закон.

При этих словах Сид слегка напрягся.

– Поясняю. Речь идет о шантажируемых и шантажистах. Тихо! – сказал Грушин, заметив, как заволновались гости. Даже Сид отвел взгляд от салатницы с обожаемым оливье. И при слове «шантажисты» уставился на хозяина.

– Я не думаю, что это остроумно, – тихо произнесла Инга.

– Сегодня приглашено равное количество шантажируемых и шантажистов. Я подчеркиваю: равное. Кое-кто из вас прекрасно знает вымогателя, но есть и такие, кто понятия не имеет, где и когда произошла утечка информации. Я решил вам помочь. Ну в самом деле? Сколько можно жить в напряжении и вздрагивать от каждого телефонного звонка?

– И как же ты решил нам помочь? – хмуро спросил Артем.

– Во-первых, предлагаю выпить. За свободу. А потом продолжим.

Даниил Грушин первым опрокинул рюмочку мятного ликера. Потом опустился на стул и, улыбаясь, оглядел своих гостей. Мол, каков сюрприз?

– Как узнал, а? – промямлил Сид.

– Сид... – простонала Прасковья Федоровна. И судорожно отхлебнула вино из хрустального бокала.

Похоже, аппетит у гостей пропал. Только Артем махом опрокинул рюмку водки и подвинул к себе жульен из шампиньонов. Он единственный выглядел невозмутимым. Инга, не останавливаясь, судорожными глотками выпила бокал шампанского. Грушин отметил это с удовлетворением. Нервничает. Отлично!

– Но ты-то знаешь, кто кого шантажирует? – сообразил наконец Артем. И, перестав на минуту жевать, уставился на Грушина.

– Разумеется, – тонко улыбнулся хозяин. – Я знаю *все*.

– Ну так скажи!

– Предлагаешь сразу раскрыть карты? – рассмеялся Грушин. – Не забывай: здесь не только шантажируемые, но и шантажисты. Они-то в этом не заинтересованы!

– Может, проголосуем? – с усмешкой спросил Артем. Но его никто не поддержал. Сид молча пил пиво из банки, Прасковья Федоровна задумчиво вертела в руках хрустальный бокал. Но хуже всех выглядела Кира. Ту просто дрожь колотила.

– Прежде чем мы перейдем ко второй части, хочу спросить у своих уважаемых гостей: может быть, кто-то хочет сделать признание? – громко спросил Грушин. – Честно сказать: я, мол, грязный шантажист, вымогаю деньги. И желаю публично покаяться. Ну, господа?

Все молчали. Артем хмуро разглядывал присутствующих, словно чего-то ждал.

– Валентин? – обратился Грушин к заму по рекламе.

– Я хочу сказать... – тот прокашлялся и постарался сдержать дрожь в голосе. – Хочу сказать, что все вышесказанное лично ко мне отношения не имеет. Не понимаю, Даниил Эдуардович, почему вы меня пригласили? То есть...

– Все понятно, – оборвал его Грушин. – Инга?

– Мне нечего сказать.

– Еще шампанского? – с иронией спросил хозяин.

– Да! – с вызовом ответила она.

– Понимаю: тебе надо напиться, чтобы стать разговорчивей.

– Почему ты меня оскорбляешь?! По какому праву?! Я давно уже тебе не прислуга!

– Прасковья Федоровна, а вы ничего не хотите сказать? – подмигнул Грушин модной писательнице.

– О! Я считаю, что все это очень занятно! Безумно интересно! Это замечательная, волнующая игра, и я...

– Да замолчи, наконец! – оборвала ее Кира. – Замолчи! Грушин, вы – сумасшедший!

– Согласен, – кивнул Артем. И поправил узел галстука. – Итак, Даня, никто не собирается признаваться. Значит, тема закрыта? Сюрприз не удался. Быть может, мы разойдемся по домам?

– Не спеши, – загадочно улыбнулся Грушин. – Сюрприз номер два.

И он поднялся со стула. Гости невольно напряглись. Артем взглядом показал Сиду: если что, бросаемся на него и вяжем. Тот, кажется, понял и кивнул. Грушин тем временем подхватил со стола один из подсвечников и подошел к старинному буфету. Свободной рукой достал из левого кармана ключ, сказав при этом с усмешкой:

– Я сегодня хранитель ключей. Одни запирают гостей, другие – тайны, а третьи, волшебные, все отпирают. Вот этот заветный – ключ к свободе.

Открыв дверцу, он поднял повыше подсвечник и показал гостям содержимое буфета. Прасковья Федоровна вытянула и без того длинную шею, Артем подался вперед всем своим крупным телом, а Инга прикрыла глаза и еле слышно спросила:

– Что там?

– Господа шантажисты, обратите внимание. Не то чтобы я вас пугаю, но...

– Боже, там пистолет! – взвизгнула Кира. А у Прасковьи Федоровны от волнения порозовели щеки.

– Маньяк! – отчетливо произнесла Инга, широко распахнув голубые глаза.

– Да, это пистолет, – с нескрываемым удовлетворением подтвердил Грушин. – Оружие, которое вошло в историю. Не могу же я опуститься до какого-нибудь «Макарова» или «ТТ»? Я, Даниил Грушин! А это...

Он протянул было руку к пистолету, но тут же ее отдернул:

– Э, нет! Брать не буду. Чтобы на нем не осталось моих отпечатков пальцев. Оружие я тщательно протер, учтите это, дорогие гости! Перед вами настоящий «Магnum» фирмы «Смит и Вессон», модель 29. На сегодня это, пожалуй, самое мощное личное оружие в мире, не считая нескольких моделей автоматических пистолетов, – любовно объяснил он. – Изготовлен в год моего рождения. Ну разве я мог устоять? Барабан шестизарядный, в нем все шесть патронов, предупреждаю. Калибр такой, что один выстрел в упор – и у жертвы просто нет шансов. Также хочу предостеречь дам: это один из самых тяжелых револьверов. Берегите ваши ручки. Зато отдача не очень сильная, что, опять же, плюс. Кому надо, тот справится. Но о дамах я позаботился особо.

И Грушин поднес подсвечник поближе к буфету со словами:

– Быть может, кому-то плохо видно... Там, на полочке, запаянная ампула с цианистым калием. Я достал его по знакомству специально для этого случая. Дамы могут воспользоваться ядом. Кроме того, здесь лежит старинный кинжал. И веревочная петля. Кому что по вкусу. Я прекрасно знаю, что у некоторых из вас ситуация безвыходная. Вы не можете обратиться в полицию, причину называть не буду. Но шантажист держит вас за горло. Главное: не промахнитесь! Я имею в виду не пулю. Ха-ха!

– Ну хватит! – Артем встал. – Грушин, я тебя выслушал и понял, что мне лучше отсюда уехать. Мне все это неинтересно.

– Да ну? Тогда я могу выдать твою тайну? Сказать сейчас, перед присутствующими здесь людьми, что Артем Дмитриевич Реутов...

– Замолчи! Слышишь? Это мое личное дело! И только мое!

– Тогда останься. И, по крайней мере, одно признание у нас уже есть. Артем Дмитриевич не отрицает, что оказался в этой компании не случайно. Осталось выяснить, кто он? Шантажируемый или шантажист? Господа?..

Туз крестей

восемь часов вечера

Поскольку все молчали, Грушин продолжил:

– Господа, я так понял, что признания никто из вас делать не собирается? А покончить жизнь самоубийством?

– Много чести, – фыркнула Инга. – Отравиться, чтобы потешить твое самолюбие!

– Есть и другой способ, – загадочно сказал Грушин, – выйти с честью из этого поединка.

– Что, еще один сюрприз? – мрачно усмехнулся Артем, вновь опускаясь на стул. И потянулся к графину с водкой. – У меня от твоих сюрпризов мороз по коже.

– С минуты на минуту сюда придет следователь...

Рука Артема дрогнула, рюмка переполнилась, водка пролилась на скатерть, и Реутов выругался: «Черт... Грушин, ты... скотина...»

– Нет! – вскочила Кира, опрокинув при этом бокал с минеральной водой. Ее балахон моментально намок. «Сядь же! Сядь!» – дернула ее за рукав Прасковья Федоровна. Безмолвная Кира, бледная как смерть, опустилась обратно на стул.

– Следователь? – удивленно переспросил Валентин.

– Ментов нам только не хватало, – пробормотал Сид. Инга сидела ни жива ни мертва.

– Я не договорил, – заметил Грушин. – Да, я наведалься в городскую прокуратуру. И нашел там замечательного человека. Майор юстиции Колыванов Андрей Алексеевич.

– Не-е-ет... – простонала Кира.

– Он отнесся ко мне с пониманием. Сказал, что слишком много развелось шантажистов. Пора устроить показательный процесс. Кончат жизнь самоубийством никто из вас не хочет. А как насчет добровольного признания? Чтобы скостить срок?

И Грушин взглянул на часы, висевшие на стене.

– Без пяти минут восемь! Ровно в двадцать ноль-ноль он должен подъехать к дому! Я полагал, что к восьми успею изложить вам свою позицию. Мне пора спуститься и встретить гостя. А вы пока все обдумайте. Есть шанс уладить дело миром.

И, взяв подсвечник, Грушин удалился.

– Уф... Даже дышать стало легче! – заметила Инга после паузы.

– Я остался только ради тебя, – нагнувшись к ней, еле слышно сказал Артем. – Не могу же я оставить тебя здесь вместе с этим маньяком? Но ты? Почему ты не выразила желания уйти? Инга?

– Я... – Она судорожно схватила со стола пустой бокал. – Налей мне шампанского!

– Я и не знал, что ты так много пьешь!

– Ты многого про меня не знаешь, Артем... – Инга тихонько всхлипнула.

– Давайте свяжем этого ненормального и сдадим в психушку, – предложил Сид.

– Сейчас сюда придет следователь... Сейчас сюда придет... – как заведенная, повторила несколько раз Кира.

– А чего ты так боишься? – с подозрением спросила Прасковья Федоровна. – Лично я происходящее всерьез не воспринимаю! Это всего лишь очередная шутка Дани!

– Тогда вам повезло больше, чем нам, – с иронией заметил Артем.

– Да, Прасковья Федоровна? – пристально посмотрела на нее Инга. – Ведь Грушин ясно сказал: здесь нет случайных людей. Либо шантажируемые, либо шантажисты. Вы кто?

– Открой личико, Гюльчатай, – мрачно пошутил Валентин.

– Но раз это шутка, я могу сделать шуточное признание: я шантажистка! – трагическим голосом произнесла модная писательница.

– И кого вы шантажируете? – подмигнул Артем. – Издателей?

– Киру, – шепотом сказала Прасковья Федоровна. Та вздрогнула и покачала головой:
– Не говори глупостей!

– Ну разумеется, я шучу! – рассмеялась Прасковья Федоровна, тряхнув серьгами. – Надо же разрядить обстановку!

– Похоже, Грушин ошибся, – вздохнул Артем. – Я не верю, что известная писательница, которая так замечательно держится и даже шутит, замешана в чем-то грязном! Ну не верю, и все! Либо у вас, мадам, нервы железные, либо...

Он не договорил.

– Артем Дмитриевич, я тоже хотел сказать, – поспешно заявил Валентин. – Что это ошибка! Я понятия не имею, почему меня сюда пригласили!

– А почему же ты приехал? – ощерился Артем.

– Грушин говорил что-то насчет слияния двух компаний... – пробормотал Валентин.

– Вот как? И ты поспешил сюда слить ему информацию?

– Нет! Что вы! Нет!

– Тс-с-с... – сказала Кира. – Я слышу... Вновь машина подъехала. Это следователь!

– Кира, да хватит трястись! – одернула ее Прасковья Федоровна. – Если это игра, то и следователь ненастоящий!

– Да, надо бы в первую очередь спросить у него удостоверение, – резонно заметил Артем. – Не хватало еще делать признания клоуну!

– А вы все-таки хотите сделать признание? – усмехнулась писательница.

Самый молчаливый из присутствующих Сид, похоже, пришел в себя и теперь сосредоточенно поглощал крабовый салат, прихлебывая пиво. Покосившись на него, Инга вдруг сказала:

– Не понимаю, при чем здесь Сид? Неужели кто-то может его шантажировать? Все и так знают, что он – стриптизер! И чем больше скандала вокруг его персоны, тем лучше! А ему кого шантажировать? И зачем? Прасковья Федоровна, вы ему что, денег не даете?

При этих словах Сид чуть не поперхнулся. Потом беспомощно посмотрел на жену:

– Мать, ты-то веришь, что я ни при чем?

– Ах, я уже сказала, что отношусь к этому как к очередной Даниной шутке! Я...

В это время на лестнице раздались тяжелые шаги. Все невольно замерли. Сюрпризы Грушина производили эффект разорвавшейся бомбы. Что на этот раз? Ряженые?

Вошедший в зал вслед за Грушиным мужчина был лет сорока, невысокого роста, грузный. Он переваливался при ходьбе, как утка, и костюм висел на нем бесформенным мешком.

– Добрый вечер, граждане, – пытаюсь справиться с одышкой, сказал он и, достав из кармана пиджака носовой платок, вытер вспотевший лоб. – Однако лестницы у вас крутые, Даниил Эдуардович!

Артем стал нервно постукивать пальцами по столешнице. Инга вновь потянулась к бокалу с шампанским.

– Позвольте представиться: следователь городской прокуратуры, майор юстиции Колыванов Андрей Алексеевич, – торжественно заявил вошедший.

– Удостоверение, – попросил Артем.

– Пожалуйста.

Мужчина полез в карман пиджака. Артем взял его документы и изучал их долго и тщательно, чуть ли не обнюхивая. Потом сказал:

– Да, похоже на правду. Лучше было бы позвонить по месту работы и уточнить, но... Ночь на дворе! Не понимаю только: почему не из районной прокуратуры? Почему из Москвы? Ведь дело возбуждено по инициативе Грушина? Или как?

– С этим, граждане, еще не ясно, – вздохнул Колыванов и повернулся к хозяину. – При-
сесть можно?

– И сесть и закусить, – кивнул тот. – Может, выпить, Андрей Алексеевич?

– Ни-ни! – замахал руками следователь. – На службе нельзя! А вот покушаю с удовольствием!

– Кто еще хочет взглянуть на документы майора юстиции? – обратился к присутствующим Артем.

– Мы вам верим, – кокетливо сказала писательница. – Уж вы, во всяком случае, разбираетесь в этом лучше нас!

Остальные ее поддержали. Артем вернул удостоверение Колыванову, тот засунул документ в карман пиджака и, сладко причмокнув, пододвинул к себе жульен. Покосившись на него, Сид принялся делать себе бутерброд с черной икрой. Не пропадать же добру!

– Туз крестей – казенный дом, – негромко произнес Грушин.

– Что? – вздрогнула Инга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.